

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Давыдов Д.А. Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 51-89.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_51

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_51

Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма

Дмитрий Александрович Давыдов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

*Поступила в редакцию 13.09.2022, поступила после рецензирования 11.01.2023,
принята к публикации 16.01.2023*

Статья посвящена поиску ответа на вопрос, почему на Западе правые популисты и консервативные авторы стали пользоваться популярностью среди представителей рабочего класса и бедных. Данный вопрос напрямую затрагивает проблематику эволюции левой политической мысли: левые все реже интересуются классовой борьбой и все чаще рассуждают о гражданских правах и экологии. Основной посыл статьи заключается в том, что идейные противоречия среди современных левых перестанут казаться аномальными, если отойти от представления о переходе к посткапиталистическому обществу как процессу, в ходе которого интересы наиболее экономически уязвимых удовлетворяются в первую очередь. Напротив, как показывают факты, становление посткапитализма можно ассоциировать с увеличением социальной

© Давыдов Д.А., 2023

прослойки, состоящей из тех, кто уже не борется за выживание и не испытывает острой материальной нужды. Они формируют свои собственные левые повестки, говоря о системном угнетении, гомофобии, расизме, сексизме, трансфобии, эйблизме или загрязнении окружающей среды. Ключевая проблема заключается в специфике представлений о мире левых постматериалистов: а) их постепенно перестает заботить социально-экономическая проблематика как таковая; б) их взгляды становятся наивными и идеалистическими, актуальными только для их собственной безопасной среды; в) они фокусируются на решении тех проблем, которые, по их мнению, вызваны потреблением и экономическим ростом, а это часто противоречит интересам наиболее уязвимых в социально-экономическом смысле. В статье утверждается, что серьезным симптомом нарастающего антагонизма между материалистами и постматериалистами являются сами дискурсы консерваторов и республиканцев, которые становятся все более экономикоцентричными и привлекательными для немалой части бедного населения и рабочего класса. Более того, консервативные критики левых нередко убедительны в своем разоблачении левого идеализма и антиматериализма. Это заставляет усомниться в актуальности дихотомии «левые/правые».

Ключевые слова: марксизм, постмарксизм, посткапитализм, постматериализм, мультикультурализм, глобализация, миграция, экологический алармизм, гражданские права, социализм

When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism

Dmitry A. Davydov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Received 13.09.2022, revised 11.01.2023, accepted 16.01.2023

Abstract. The article is devoted to the search for an answer to the question of why in the West, right-wing populists and conservative authors have become in demand among representatives of the working class and the poor. This question directly affects the problems of the evolution of left-wing political thought: leftists are less and less interested in class struggle and more and more often talk about civil rights and ecology. The main message of this article is that the ideological contradictions among the modern Left will no longer seem anomalous if we move away from the idea of the transition to a post-capitalist society as a process in which the interests of the most economically vulnerable are satisfied in the first place. On the contrary, as the facts show, the formation of post-capitalism can be associated with an increase in the social stratum, consisting of those who are no longer struggling for survival and are not in acute material need. They shape their own left agendas by talking about systemic oppression, homophobia, racism, sexism, transphobia, ableism, or environmental pollution. The key problem lies in the specifics of the ideas about the world of left-wing post-materialists: a) they are gradually ceasing to care about socio-economic issues as such; b) their views are becoming naive and idealistic, relevant only to their own secure environment; c) they focus on solving the

problems that they believe are caused by consumption and economic growth, and this is often contrary to the interests of the most vulnerable in the socio-economic sense. The article argues that a serious symptom of the growing antagonism between materialists and post-materialists is the very discourses of Conservatives and Republicans, which are becoming increasingly economically centered and attractive to a considerable part of the poor and the working class. Moreover, conservative critics of the contemporary leftists are often convincing in their exposure of left-wing idealism and anti-materialism. All this makes us doubt the relevance of the left-right dichotomy.

Keywords: Marxism, post-Marxism, post-capitalism, post-materialism, multiculturalism, globalization, migration, ecological alarmism, civil rights, socialism

For citation: Davydov D.A. When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 51-89. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_51

Хотя класс никогда не был одним из моих приоритетов как активиста, я понимаю, что значит терпеть экономические трудности. Я все еще расплачиваюсь за свой второй винный холодильник. И я знаю много людей из рабочего класса. Кейт Миддлтон, например.

Титания МакГрат¹

Почти половина бездомных в стране проживает в Калифорнии – штате, который утверждает, что проводит самую прогрессивную политику в отношении бедных.

В.Д. Хэнсон

Введение

Сегодня наблюдается довольно странная ситуация. Никогда еще левые не были столь заметными в западном мире. Они доминируют в академическом сообществе, они преобладают в СМИ, они проникают в бизнес, заставляя «проснуться» (woke) миллиардеров, они среди знаменитостей всех мастей: от блогосферы до киноиндустрии. Мы могли бы назвать их словом «леволибералы», но это будет слишком упрощенной картиной. На самом деле, среди них много искренне считающих себя марксистами, революционерами и даже радикалами. И все же в 2016 г. они были повержены капиталистом Д. Трампом, никогда не ассоциировавшим себя с левыми движениями и тем более с марксизмом. Все бы ничего, но оказалось, что Трамп победил благодаря голосам представителей белого рабочего класса и людей без высшего образования, причем отнюдь не только по причине их расизма или традиционализма².

¹ Титания МакГрат – вымышленный пародийный персонаж. Создатель и ведущий твиттер-аккаунта @TitaniaMcGrath британский комик и колумнист Э. Дойл характеризует ее как радикальную поэтессу-интерсекционалистку, приверженную феминизму, социальной справедливости и вооруженному мирному протесту. См.: McGrath T. 2019. *Woke: A Guide to Social Justice*. London : Constable. 160 p.

² Одно из возможных объяснений расизма и традиционализма некоторой части жителей «красных» штатов приводится далее.

Как так получилось? Почему правые оказались левее левых? В настоящей статье нам хотелось бы показать, что сложившаяся ситуация свидетельствует не просто о глубинной неудаче левой идеи; и это не только симптом разногласий по поводу тактики борьбы за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность, хотя все это тоже имеет место. Здесь стоит задать более принципиальный вопрос: почему многие бедные и уязвимые в социально-экономическом плане люди отrekliсь от тех, кто по идее должен представлять их интересы, и предпочли тех, кто, казалось бы, является их главным врагом?

Основной посыл данной статьи заключается в том, что идейные противоречия среди современных левых перестанут казаться аномальными, если *отойти от представления о борьбе с капитализмом как о совокупности событий или общественных процессов, в ходе которых интересы наиболее уязвимых в материальном смысле удовлетворяются в первую очередь*. Напротив, *зарождение посткапитализма можно ассоциировать с увеличением и возвышением социальной прослойки, состоящей из тех, кто уже не борется за выживание и не испытывает острой материальной нужды*. Ключевая проблема заключается в «картине мира» таких постматериалистов: а) их постепенно перестает заботить социально-экономическая проблематика как таковая; б) их взгляды становятся наивными и идеалистическими, актуальными только для их собственной безопасной среды, но не для тех, кто более уязвим в экономическом смысле; в) они фокусируются на решении тех проблем, которые, по их мнению, вызваны потреблением и экономическим ростом, а это часто противоречит интересам наиболее уязвимых в социально-экономическом смысле. Сложность такого расклада состоит в том, что постматериалисты действительно в каком-то смысле являются антикапиталистами. Однако на все это можно посмотреть по-другому. Что, если интересы постматериалистических левых довольно часто идут вразрез с интересами старых, материалистических левых? Что, если постматериалисты – представители новых элит, а переход к посткапитализму вовсе не означает торжества эгалитаризма? Такая постановка вопроса приводит нас к гипотезе о том, что современный идейный раскол между левыми *больше похож на раскол между правыми и левыми*, но уже применительно к другой, посткапиталистической реальности.

Статья состоит из двух частей. В первой рассматривается концепция постматериализма Р. Инглхарта. По нашему убеждению, данная концепция позволяет по-новому взглянуть на перспективу посткапитализма, если абстрагироваться от политических убеждений самого Инглхарта. Хотя знаменитый социолог и настроен оптимистично по отношению к «тихой» постматериалистической революции (прежде всего как процесса вытеснения материалистических ценностей постматериалистическими), он не может не признавать, что успех Д. Трампа отчасти был обусловлен как неприятием значительной долей населения постматериалистических ценностей, так и «материалистическим» дискурсом Трампа, который помог ему завоевать симпатии представителей белого рабочего класса и/или людей без высшего образования. Во второй части статьи мы постараемся показать, что се-

рзным симптомом нарастающего антагонизма между материалистами и постматериалистами являются дискурсы консерваторов и республиканцев, которые становятся все более экономикоцентричными и привлекательными для немалой части бедного населения и рабочего класса. Наконец, в заключении будет поставлен вопрос об актуальности современной дихотомии «левые/правые».

NB! Мы в своей статье не встаем ни на чью сторону, нашей целью не является демонстрация чьей-либо правоты. Цитируя консервативных авторов, мы желаем оценить их аргументы не столько с фактической, сколько с ценностно-риторической точки зрения: какие темы они поднимают, о каких проблемах говорят и, стало быть, к кому, к какой социальной базе обращаются. Для нас важны идейные акценты, свидетельствующие о том, что идейная база левых перестала выражать интересы внушительной части бедных и социально уязвимых. Соответственно, демонстрируя аргументацию консервативных авторов, мы лишь показываем, что эта идейная ниша заполняется ими (то есть правые для многих становятся «левее левых»). Однако в некоторых случаях мы будем обращаться к результатам эмпирических исследований, а также демонстрировать дискуссионность ряда вопросов, показывая, что аргументы консерваторов не стоит оценивать как сплошной популизм и, соответственно, игнорировать их как абсолютно нерелевантные. Наконец, мы будем ссылаться не только на аргументы правых, но и на позицию тех левых, которые со скепсисом смотрят на прогрессивные левые дискурсы, выражающие интересы постматериалистов.

«Тихая революция», опередившая время

В марксистской традиции переход к посткапиталистическому обществу принято ассоциировать с освободительным движением, в результате которого люди коллективно, по результатам политической революции или через серию демократических реформ сбрасывают «бремя нужды», социализируют экономику, чтобы впоследствии дружно заняться «нематериальными» вопросами: творчеством, всесторонним развитием личности, на худой конец – «утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике». Однако это только один из возможных сценариев, причем не самый вероятный. Другой вариант, который разворачивается на наших глазах, намного более сложный и противоречивый по своим проявлениям. Посткапиталистические общественные отношения, согласно данному сценарию, формируются не в результате освобождения основной массы людей от цепей материального, а по причине освобождения от этих цепей лишь некоторой части населения (беспрецедентной по историческим меркам); и не в результате политической борьбы, а просто по мере достижения состояния экзистенциальной безопасности (экономический рост плюс научно-технический прогресс, улучшающий качество жизни). Для относительного меньшинства борьба за материальные блага может деактуализироваться вовсе, особенно если они

заражаются левыми идеями о вреде чрезмерного потребления. Эта часть населения начинает как бы жить в *посткапиталистической реальности*. Они могут заниматься наукой и творчеством, думать о гражданских правах или глобальном потеплении, но фактически они, условно говоря, забираются на башню из слоновой кости, то есть считают, что их собственные проблемы и их собственное мировидение уже являются актуальными для всего мира.

Не нужно отдельно эмпирически обосновывать то, что мы наблюдаем реализацию именно второго сценария. Многое уже сделал знаменитый социолог Р. Инглхарт. В книге 1977 г. “The Silent Revolution” («Тихая революция») он показал, что беспрецедентно высокий уровень экзистенциальной безопасности послевоенной эпохи привел к смещению ценностей западного общества из поколения в поколение: от преобладания материалистических ценностей к преобладанию ценностей постматериалистических. Под материализмом Инглхарт понимает систему ценностей, связанную со стремлением к удовлетворению материальных потребностей (таких как безопасность, средства к существованию и кров) и акцентом на материальную роскошь. Постматериализм, соответственно, означает упор на защиту окружающей среды, сексуальную либерализацию, борьбу за права человека, гендерное равенство, космополитизм и уважение прав гомосексуалов, иммигрантов, инвалидов и этнических/расовых меньшинств. Люди, иными словами, перешли от того, чтобы уделять первостепенное внимание экономической и физической безопасности и соблюдению групповых норм, к усилению внимания к *самовыражению и личной свободе* (Inglehart 1977).

С момента первых публикаций о «тихой революции» накопился огромный массив эмпирических данных, подтверждавших гипотезу Инглхарта (Inglehart 1997, 2008). Сам социолог руководил проектом *World Values Survey*, в рамках которого были проведены репрезентативные опросы более чем в 100 странах, где проживает 90% населения мира. Первая волна опросов была осуществлена в 1981 г., последняя завершена в 2019 г. В одной из последних работ, написанных Инглхартом в соавторстве с П. Норрис, анализируются данные кросстемпоральных социологических исследований. Ученые отмечают, что тенденция к росту постматериалистических ценностей не останавливается, даже несмотря на частые помехи в виде экономических кризисов: представители молодых поколений все чаще отвечают, что они более терпимы к «нетрадиционной» сексуальности, что они ценят свободу, мультикультурализм и разнообразие больше, чем традиционные нормы и ценности, что проблема загрязнения окружающей среды гораздо важнее, чем экономический рост, а космополитизм они предпочитают национализму (Norris, Inglehart 2019).

Сам Р. Инглхарт с оптимизмом смотрит на «тихую революцию»: расширение постматериалистических ценностей якобы укрепляет гражданскую культуру и способствует развитию демократии (Инглхарт, Вельцель 2011). В конце концов, акцент на самореализации, свободе, разнообразии может быть хорош сам по себе, тем более это неизбежное следствие процессов модернизации, в результате которых общество становится более открытым, толерантным, свободным. Однако такой оптимизм небеспо-

рен. Так, примечателен тот факт, что «тихая революция» совпала с началом доминирования неолиберализма. Пока новые левые и гражданские активисты боролись за разнообразие и инклюзивность, социально-экономическое неравенство неуклонно росло. Здесь можно также задуматься, насколько глубока постматериалистичность постматериалистических ценностей: насколько те, кто говорит, что придерживается ценностей самоактуализации, свободы или разнообразия, соответствуют образам самоотверженных граждан, способных жертвовать чем-то ради других (Давыдов 2018). Но для нас важнее иная проблема: *постматериализм, как правило, не нейтрален, а враждебен по отношению к материализму*. Иными словами, обычно интересы постматериалистов противостоят интересам материалистов.

NB! Одно из распространенных возражений относительно тезиса о противоречивости интересов материалистов и постматериалистов заключается в следующем: самовыражение может обретать разные формы. Одной из основных, по Инглхарту, является гражданское участие, решение общественных проблем. Разве круг этих общественных проблем сводится исключительно к экологии, борьбе за права гомосексуалов и этнических меньшинств? Почему бы не считать таким гражданским самовыражением, например, борьбу с бедностью и инициативы поддержки бездомных, безработных, борьбу за снижение цен на образование, медицинские услуги? Стоит отметить, что это вполне возможно, но не противоречит нашему общему тезису (в конце концов, Ф. Энгельс был представителем буржуазии и коммунистом одновременно). То есть вряд ли само по себе наличие людей, чья самореализация связана с борьбой за, скажем, права трудящихся, социологически значимо, так как речь идет именно о больших ценностных сдвигах. «Ось самовыражения» у Инглхарта содержит следующие элементы: респондент отдает приоритет самовыражению и качеству жизни, а не экономической и физической безопасности (это важно!); респондент описывает себя как очень счастливого; гомосексуализм, по его мнению, оправдан; он подписал или подпишет петицию; респондент не думает, что нужно быть очень осторожным в доверии людям. В то же время ценности выживания подчеркивают следующее: мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины; респондент недоволен финансовым положением своего домохозяйства; женщина должна иметь детей, чтобы быть удовлетворенной; респондент отвергает иностранцев, гомосексуалов и людей со СПИДом в качестве соседей; респондент выступает за больший акцент на развитии технологий; респондент не перерабатывал вещи для защиты окружающей среды; респондент не присутствовал на собрании и не подписал ходатайство о защите окружающей среды; при поиске работы хороший доход и безопасная работа важнее, чем чувство выполненного долга и работа с людьми, которые вам нравятся; респондент в целом благосклонно относится к государственной собственности на бизнес и промышленность; ребенку нужен дом с матерью и отцом, чтобы расти

счастливого; респондент не описывает собственное здоровье как очень хорошее; нужно всегда любить и уважать своих родителей, независимо от их поведения; когда рабочих мест не хватает, мужчины имеют больше прав на работу, чем женщины; респондент не имеет большого свободного выбора или контроля над своей жизнью; воображение не является одной из самых важных вещей, которым нужно научить ребенка. Иными словами, по этим меркам вряд ли можно понять, являются ли постматериалисты действительно заинтересованными в активизме в пользу рабочего класса. Напротив, мы видим, что именно материалистам свойственно благосклонно относиться к государственной собственности на бизнес и промышленность. Это можно косвенно понять и как приветствие *welfare state*, в то время как *ценности постматериалистов по большому счету либеральны*.

Можно ли создать собирательный (но не универсальный, так как возможны исключения) образ человека, придерживающегося постматериалистических ценностей и удовлетворяющего соответствующей классификации в исследованиях Р. Инглхарта? Это человек, которого редко интересуют вопросы добывания средств к существованию. Периодически он может испытывать те или иные экономические трудности, но они не критичны и не занимают все его время. Он больше занят делами, ассоциируемыми с, грубо говоря, антиматериалистичностью (например, аскетизм ученых и художников или искусство, «подлинность» которого определяется некоммерческими мотивами созидательной деятельности). Поскольку экзистенциальная безопасность обеспечена, он часто задумывается, как сделать этот мир лучше. Он может быть осведомлен об экономическом неравенстве или существовании огромного количества бедных, но эти вопросы он считает не такими актуальными, как сексизм, расизм или трансфобия. Он также сильно обеспокоен глобальным потеплением и считает, что необходимо принимать жесткие меры для сокращения темпов экономического роста (*post-growth*) и объемов потребления. Поскольку постматериалист обычно хорошо образован, он имеет в некотором смысле идеалистические представления о мире. Если к этому добавить, что его навыки и умения, скорее всего, востребованы в современной глобализированной креативной экономике, он с большой вероятностью будет космополитом, то есть будет выступать за отмену национальных барьеров, общечеловеческие идеалы свободы перемещения, открытости, мультикультурализма. Это отнюдь не весь образ, но уже здесь можно разглядеть основания для антагонизма между постматериалистами и материалистами. Если одних не сильно интересуют проблемы поддержания экономического роста, то для других экономика имеет первостепенное значение; если одни желают сократить эмиссию CO₂, то другие страдают от сокращения рабочих мест в добывающей промышленности и от роста цен на энергию в результате зеленых инициатив; если для одних терпимость, мультикультурализм и открытые границы – это идеал просвещенного человечества, то для других – это ужас конкуренции за рабочие места, обусловленной низкооплачиваемой рабочей силой мигрантов. Не составит труда увидеть здесь то

место, на которое смог «надавить» Д. Трамп. Капиталист и консерватор, сокративший налоги для богатых, нашел общий язык со многими бедными, которых перестали слышать их бывшие левые союзники. Правый оказался левее левых.

К данному умозаключению могут возникнуть закономерные вопросы. В конце концов, вплоть до своей смерти в 2021 г. Р. Инглхарт не переставал активно осмыслять происходящее. В книге 2019 г. "Cultural Backlash" («Культурная реакция») Инглхарт и Норрис представили свою версию событий. Подъем правого популизма был обусловлен тем, что люди, придерживающиеся традиционных ценностей (по факту утверждается, что они явные или скрытые расисты, ксенофобы, националисты, религиозные шовинисты, сексисты, гомофобы), почувствовали себя уязвимыми перед растущей долей постматериалистов, а также перед последствиями борьбы за реализацию постматериалистических ценностей (рост влияния ЛГБТ-сообщества, активная иммиграция, агрессивная зеленая политика демократов и т.д.). В общем, это была преимущественно культурная «реакция», а экономика если и была фактором, то второстепенным. Однако, судя по статистике, которую приводят сами авторы, не видно, чтобы экономический фактор был незначительным. В их книге мы видим, что материалисты в 3,8 раза чаще голосовали за Трампа, чем за Клинтон, в то время как чистые постматериалисты в 14,3 раза чаще голосовали за Клинтон, чем за Трампа (Norris, Inglehart 2019: 345). Также говорится, что Трамп набрал много голосов в общинах за пределами мегаполисов, сильно зависящих от обрабатывающей промышленности, особенно уязвимых перед конкуренцией со стороны китайского торгового импорта, такого как электроника и текстиль (Norris, Inglehart 2019: 351). Как они заключают, те, кто считал, что экономика работает плохо, и те, кто чувствовал себя хуже, также с большей вероятностью поддержали Трампа. «В целом мы находим поддержку как теории экономического недовольства, так и теории культурной реакции. Они, кажется, усиливают друг друга, но культурная негативная реакция явно сыграла доминирующую роль в решении людей голосовать за Трампа или Клинтон» (Norris, Inglehart 2019: 363).

«Второстепенность» экономического фактора выводится Норрис и Инглхартом из того факта, что избиратели с доходом менее \$ 50 тыс. предпочли Клинтон Трампу, а избиратели с более высокими доходами отдали предпочтение республиканцу (например, согласно одному из экзитполов, 53% людей с доходом ниже \$ 30 тыс. отдали голоса Клинтон, в то время как только 41% проголосовали за Трампа¹). Но здесь можно сместить акцент: целых 41% беднейших людей проголосовали за капиталиста и республиканца Трампа. Тем более стоит учитывать, что среди беднейших (например, те, кто живет на пособия) огромная доля расовых и других меньшинств, а также женщин, которые голосовали за Клинтон не столько «кошельком» (хотя

¹ Cole N.L. 2019. How Did Race, Gender, Class, and Education Influence the Election? // ThoughtCo. 09.07.2019. URL: <https://www.thoughtco.com/race-gender-class-and-education-4111369> (дата обращения: 12.09.2022).

именно демократы более щедры на всяческие пособия¹), сколько по причине доминирования дискурсов политики идентичности (вернемся к этому далее). Также стоит обратить внимание на размытость категории «рабочий класс», к которой обращаются Норрис и Инглхарт. Они не проясняют, какие конкретно профессии были отнесены к этой категории. Как показывают тенденции последних лет, сегодня рабочим классом считают себя очень многие, но не факт, что они являются представителями промышленного рабочего класса, пострадавшими от деиндустриализации и глобализации.

NB! Н. Карнес и Н. Лупу, крупнейшие американские исследователи классового электорального поведения, приводят данные трех самых крупных панельных опросов: *American National Election Studies* (ANES), *Cooperative Congressional Election Study* (CCES), *Views of the Electorate Research Survey* (VOTER). Они показывают, что среди избирателей Д. Трампа в 2016 г. белый рабочий класс составлял 31% – ровно столько же, сколько у М. Ромни в 2012 г. По данным этих опросов, Трамп действительно получил большинство голосов белого рабочего класса. Но то же самое сделали М. Ромни в 2012 г., Дж. Буш-младший в 2004 г., Дж. Буш-старший в 1988 г., Р. Рейган в 1984 и 1980 гг. Поддержка белым рабочим классом республиканской партии – тренд последних 40 лет, в котором нет ничего специфического от Трампа. Напротив, в 2016 г. такая поддержка перестала расти (см.: Carnes, Lupu 2021). Тем не менее стоит заметить, что сохранение достаточно высокой доли белого рабочего класса в структуре электората – это уже достижение, ведь доля этой социальной прослойки среди населения США сокращается (доля белых достаточно быстро уменьшается: с 80% в 1980 г. до 58% в 2020 г.²). Более того, речь идет не только о белом рабочем классе, но и о людях без высшего образования (это пересекающиеся, но все же разные категории). Дж. Уиден из Пенсильванского университета проанализировал данные CCES и пришел к выводу, что Трамп привлек на 12–14% больше белых без 4-летнего высшего образования, чем Ромни, «оттянул кучу избирателей с обочины»³. Можно посмотреть и на

¹ Разумеется, никто не говорит, что демократы вообще не решают проблему социально-экономического неравенства. Прогрессивные левые дискурсы не являются абсолютно идеалистическими или нематериалистическими. Проблема не в их нематериалистичности как таковой, а во внутренней противоречивости: когда забота о материальных интересах одних (например, в рамках «позитивных действий» или политики идентичности) противоречит постматериалистической политике, бьющей по материальным интересам других (например, в рамках «зеленого перехода», способствующего росту тарифов на коммунальные услуги, о чем речь пойдет далее).

² Krogstad J.M., Dunn A., Passel J.S. 2021. Most Americans Say the Declining Share of White People in the U.S. is Neither Good nor Bad for Society // Pew Research Center. 23.08.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/08/23/most-americans-say-the-declining-share-of-white-people-in-the-u-s-is-neither-good-nor-bad-for-society/> (дата обращения: 12.09.2022).

³ The Trump Coalition // We the Pleeple. Social Science for the Pleepls. 10.03.2017. URL: <https://www.pleepls.org/2017/03/10/the-trump-coalition/> (дата обращения: 12.09.2022).

данные *General Social Survey*, позволяющие оценить, какова доля голосовавших за Д. Трампа и Х. Клинтон в 2016 г. среди тех, кто ассоциирует себя с категориями «низший класс» и «рабочий класс». В 2012 г. за Б. Обаму голосовало 76% тех, кто относил себя к *lower class* и 61% представителей *working class*. В 2016 г. наблюдается рекордный по своей динамике спад (судя по данным с 1965 г.) поддержки кандидата-демократа со стороны этих групп: лишь 58% (–18%) *lower class* и 48% (–13%) *working class*¹. Все это говорит о том, что на Обаму многие бедные люди и представители рабочего класса возлагали большие надежды, которые так и не были оправданы. Анализ исследователей Стэнфордского университета Дж. Гриммера и У. Марбла – на материалах *Cooperative Congressional Election Study* (CCES), *American National Election Studies* (ANES) и имеющейся литературы по сравнению избирательных блоков на выборах 2012 и 2016 гг. – продемонстрировал, что тезис о расовом консерватизме среди избирателей Трампа как главной причине его победы на выборах 2016 г. крайне спорен, поскольку значительные его успехи были достигнуты среди белых с умеренным отношением к расе и иммиграции. Итоги голосования Трампа улучшились больше всего среди колеблющихся избирателей: белых с низким социально-экономическим статусом, которые придерживаются умеренных политических взглядов (Grimmer, Marble 2019).

Исследование политических пожертвований на основе базы данных Федеральной избирательной комиссии (FEC), проведенное в 2015 г.², позволило выявить политические предпочтения людей разных профессий. Соотношение «демократы к республиканцам» среди оказывавших поддержку преимущественно республиканцам таково: шахтер – 10 к 90, нефтяник – 11 к 89, кровельщик – 19 к 81, подрядчик по механическому оборудованию – 19 к 81, лесоруб – 24 к 76, электротехнический подрядчик –

¹ Key Trends // GSS Data Explorer. URL: <https://gssdataexplorer.norc.org/trends> (дата обращения: 12.09.2022).

² Федеральная избирательная комиссия США предоставляет данные, которые показывают, кто и какой вклад внес в определенную политическую кампанию: когда внес, сколько внес, профессия внесшего вклад и др. *Verdant Labs* агрегировали эти данные и применили простую формулу для каждой профессии: $\text{Dem \% for occupation} = \# \text{ of people who primarily gave to Dems} / \text{total Dem contributors} + \text{Rep contributors}$. Стоит правда, отметить приблизительность данных, о чем говорят сами авторы исследования: «...предостережение в отношении этой методологии заключается в том, что мы предполагаем, что демократы и республиканцы жертвуют примерно с одинаковой частотой. Другими словами, мы предполагаем, что разделение взносов учителей-демократов и учителей-республиканцев в соотношении 75/25 приводит к разделению 75/25 учителей-демократов и учителей-республиканцев в общей численности населения. Если на самом деле, скажем, учителя-республиканцы свободнее распоряжаются своими кошельками и имеют более высокий уровень взносов на душу населения, наше соотношение для этой профессии будет немного искаженным. Таким образом, коэффициенты следует рассматривать как приблизительные». См.: *Democratic vs. Republican Names* // Verdant Labs. 13.04.2016. URL: <http://verdantlabs.com/blog/> (дата обращения: 12.09.2022).

26 к 74, молочный фермер – 27 к 73, фермер – 29 к 71, водитель грузовика – 31 к 69, прораб – 32 к 68. Демократы пользовались популярностью у представителей следующих профессий: хореограф (100 к 0), дизайнер костюмов (100 к 0), телережиссер (98 к 2), книжный редактор (97 к 3), социолог (96 к 4), профессор истории (95 к 5), социальный работник (93 к 7), режиссер фильмов (92 к 8), грузчик (89 к 11), эколог (88 к 12), музыкальный продюсер (91 к 9), бармен (89 к 11), таксист (85 к 15), официант/официантка (80 к 20), бухгалтерский клерк (61 к 39), фабричный рабочий (56 к 44)¹. Конечно, демократов поддерживали чаще те, кто относил себя к категории «фабричный рабочий», а также, к примеру, таксисты и официанты/официантки. Но последние две категории – представители сферы услуг, то есть речь идет не о тех людях, которые остались запертыми без какой-либо серьезной поддержки и надежды в своих неблагополучных городках, наиболее сильно пострадавших от деиндустриализации и неолиберализма. Если добавить к фабричным рабочим шахтеров, нефтяников, лесорубов и прочие типично «республиканские» рабочие профессии, то можно как минимум усомниться, что демократы пользуются поддержкой подавляющего большинства рабочего класса. При этом речь идет об исследовании 2015 г., основывающемся на данных, которые были актуальны до того, как Д. Трамп начал проводить свою популистскую «материалистическую» избирательную кампанию. Похожее исследование с анализом данных FEC было проведено организацией по поиску работы *Zippia* в 2022 г. Мы видим схожую картину, но теперь доля фабричных рабочих, поддерживающих демократов, стала меньше. В целом картина очевидна. Процентное соотношение поддержавших демократов и республиканцев таково: профессор истории – 94,1% и 5,9%; редактор – 91,9 и 8,1; ученый – 88,4 и 11,6; музыкант – 86,6 и 13,4; артист – 85,9 и 14,1; разработчик ПО – 83,9 и 16,1, но фабричный рабочий – 52,5% и 47,5%; дворник – 51,1 и 48,9; кузовной рабочий – 47,8 и 52,2; слесарь – 47,1 и 52,9; бакалейщик – 46,9 и 53,1; строитель – 45,3 и 54,7; автомеханик – 41,9 и 58,1; полевой инженер – 41,5 и 58,5; сельский перевозчик – 39,5 и 60,5; путевой обходчик – 34,6 и 65,4; оператор установки – 32,5 и 67,5; каменщик – 24,8 и 75,2; кровельщик – 21,9 и 78,1; лесоруб – 13,6 и 86,4².

NB! Здесь могут возникнуть вопросы к «неакадемическому» статусу *Verdant Labs* (разработчик ПО) и *Zippia*. Однако отметим, что они лишь визуализировали открытую информацию. Наше доверие к представленным данным обусловлено тем, что более позднее исследование во многом повторило результаты первого. Более того, эти результаты воспроизводились также другими авторами и организациями. К примеру, соответствующий материал опубликован в газете “Washington

¹ Democratic vs. Republican Occupations // Verdant Labs. URL: http://verdantlabs.com/politics_of_professions/ (дата обращения: 12.09.2022).

² Morris K. 2023. Democratic vs. Republican Jobs: Is Your Job Red or Blue? // Zippia. The Career Expert. 02.02.2023. URL: <https://www.zippia.com/advice/democratic-vs-republican-jobs/> (дата обращения: 10.02.2023).

Post»¹. В 2020 г. эксперты *Bloomberg* проанализировали данные² о взносах с онлайн-платформ пожертвований *ActBlue* и *WinRed*. Результаты аналогичны: наиболее «республиканские профессии» – владелец бизнеса, водитель, фермер, механик, водопроводчик. Среди самых «демократических» – профессор, продюсер, социальный работник, редактор и т.п. Есть также и академические исследования по отдельным группам профессий. Например, анализ политических пожертвований ученых (Kaurov et al. 2022) или обзор голосования представителей рабочего и креативного классов³.

Когда правые левее левых

Те аспекты эволюции политической мысли правых (здесь изучается опыт прежде всего США и Великобритании, хотя, как будет показано далее, он отчасти актуален и для России), о которых пойдет речь, не означают, что консерваторы и республиканцы неожиданно стали настоящим левыми. По большинству вопросов они все те же консерваторы, ценящие превыше всего традиционные ценности и придерживающиеся идеи рыночной свободы. Тем не менее в последнее время они стали все чаще поднимать вопросы, актуальные именно для немалой доли бедных и представителей рабочего класса. Далее мы посмотрим, как некоторые авторы (преимущественно левые, тяготеющие к ценностному материализму) оценивают современный постматериалистический левый мейнстрим. Затем по каждому из вопросов отдельно рассмотрим аргументы консерваторов, свидетельствующие об их не совсем правых взглядах.

¹ Bump P. 2015. How Democratic or Republican is Your Job? This Tool Tells You // The Washington Post. 03.06.2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2015/06/03/how-democratic-or-republican-is-your-job-this-tool-tells-you/> (дата обращения: 12.09.2022).

² Эти данные собраны из ежемесячных заявок *FEC Actblue* и *Winred*, онлайн-платформ доноров для демократов и республиканцев. Показаны все уникальные доноры, которые передали любую сумму денег в период с 1 января по 1 октября 2020 г. либо Трампу, либо Байдену через свои комитеты президентской кампании или комитеты по сбору средств, такие как «Фонд победы Байдена» и «Фонд победы Трампа», или комитет Трампа «Сделай Америку снова великой». О профессиях сообщают сами доноры через *ActBlue* и *WinRed*. См.: Gu J. 2020. The Employees Who Gave Most to Trump and Biden // *Bloomberg*. 02.11.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-election-trump-biden-donors/> (дата обращения: 12.09.2022).

³ Поддержка Трампа тесно связана с долей рабочих профессий в штате – сварщики, водители тракторных прицепов, механики автобусов и грузовиков и т.д. Также она соотносится с большей долей профессий класса обслуживания, таких как повара столовых, продавцы запчастей и кассиры. При этом лишь несколько профессий творческого класса – технологи-рентгенологи, техники по охране труда и технике безопасности – коррелируют с поддержкой Трампа. См.: Florida R. 2018. Why Is Your State Red or Blue? Look to the Dominant Occupational Class // *Bloomberg*. 29.11.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-28/how-occupational-class-influences-u-s-voting-patterns> (дата обращения: 12.09.2022).

Политика идентичности и забытые проблемы рабочего класса. П. Норрис и Р. Инглхарт пишут о «культурной реакции», желая показать, что успех республиканцев (или, к примеру, правых популистов в Европе) обусловлен, скорее, расизмом белых или культурным шовинизмом, нежели объективными экономическими проблемами. В этом смысле они находятся в левом тренде последних лет, в рамках которого политика идентичности с идеями «системного расизма», «системного угнетения», доминирования белых трансгендерных мужчин и пр. вытесняет любые другие концепции и идеи из левой политической мысли. Но разговоры о «привилегиях белых» могут вызывать закономерные вопросы у многих бедных, представителей белого рабочего класса или «исчезающего среднего класса». В то время как мотивы белого рабочего класса часто отвергаются как расистские или ксенофобские, многие его представители, как показало исследование Дж. Уильямс, не видятся со своими семьями, лишь бы заработать на то относительно небольшое, что у них есть. И они понимают, что живут не сильно лучше бедняков (среди них большое количество темнокожих и латиноамериканцев), которые практически не работают, но зато получают щедрые пособия (см.: Williams 2017).

Почему Трамп оказался «коммунистом» на фоне современных левых? Среди возможных объяснений игнорирование демократами¹ классовой проблематики. Для них права трансгендеров или темнокожих долгое время были наиболее важной темой. Как отмечает левый критик «расового редуционизма» Т. Рид, вместо того чтобы продвигать прогрессивную повестку дня, ориентированную на рабочий и средний классы, экономическое видение Обамы, как и Клинтон до него, разбило надежды многих трудящихся на то, «что они будут зарабатывать больше, чем мелочь на карманные расходы. В то время как члены профсоюзов выступали за Обаму в 2008 и 2012 гг., президент Обама мало чего сделал, чтобы заслужить их поддержку» (Reed 2020: 77-78). О том, что левые не уделяют должного внимания проблемам рабочих, что тематика социально-экономического неравенства отошла на второй план в их дискурсах, пишут многие авторы. Разумеется, некоторые левые политики, например, Б. Сандерс, или интеллектуалы (Стиглиц 2020) все еще ставят в центр внимания экономику. Однако тот же Сандерс фактически испытал на себе все неприятные последствия травли со стороны левых, которые обвиняли его то в расизме и недостаточном внимании к «угнетению черных» (в ответ на скепсис относительно выплаты «репараций» темнокожим), то в шовинизме (в ответ на критику мер по увеличению числа гастарбайтеров).

Такой ситуацией не преминули воспользоваться консервативные оппоненты левых. К примеру, политический обозреватель Д. Д'Суза в книге "United States of Socialism" («Соединенные Штаты социализма») пишет, что

¹ В США именно с демократами связывают левую идею. Хотя большинство демократов – либо либералы, либо леволибералы, немалое количество среди них людей, прямо апеллирующих к социал-демократии и/или марксизму (Б. Сандерс, А. Окасио-Кортес и др.).

социалисты в значительной степени отказались от рабочего класса. Программа улучшения условий жизни простых граждан и рабочих превратилась в скоординированные усилия, направленные на то, чтобы эти самые граждане и рабочие «чувствовали себя нежеланными и демонизированными в их собственной стране». Социализм в Америке сегодня превратился «в черный против белого, женский против мужского, гомосексуальный и транссексуальный против гетеросексуального, а нелегалы против легальных иммигрантов и американских граждан. Типичный социалист сегодня – это не профсоюзный парень, который хочет более высокой заработной платы; это транссексуальная экофеминистка, которая марширует на митингах Антифа и *Black Lives Matter* и бросает цементные блоки в своих политических оппонентов» (D'Souza 2020: 87).

В этой связи может возникнуть вопрос: не является ли сама политика идентичности отчасти материалистической? К примеру, сторонники критической расовой теории часто видят причину бедности многих темнокожих в «системном расизме». Однако правые авторы отвечают подчас весьма убедительной критикой сомнительных (опирающихся на нефальсифицируемые допущения) левых дискурсов о якобы практически повсеместном расизме (см.: Sowell 2019; Horowitz 2021; Lindsay 2022). Скорее, политика идентичности способствует дезинтеграции рабочего класса, распаду его на многочисленные группы, объединенные теми или иными «конфликтующими» идентичностями. Поскольку левые все больше склоняются к постмодернистским спекуляциям¹ и видят «микроагрессию» или «системное угнетение» почти везде, «войны идентичностей» оказываются практически неразрешимыми. Как пишут консервативные критики политики идентичности Х. Плакроуз и Дж. Линдси², некоторые материалисты критиковали левых постмодернистов «за проведение нематериального и субъективного анализа дискурса, который обычно проводится в состоятельной академической среде, игнорируя при этом важные, широко распространенные материальные проблемы, особенно бедность» (Pluckrose, Lindsay 2020: 114).

Космополитизм и иммиграция. Как уже было отмечено, постматериалист – это тот, кто открыт миру и не приемлет национальных границ. Д. Гудхарт (его трудно называть правым или консерватором, но его идеи важны для понимания сути соответствующего конфликта) придумал неплохую альтернативу классовой оптике: один из серьезных социальных расколов связан с противоречием между людьми, видящими мир откуда угодно (*anywheres*), и людьми, видящими его откуда-то (*somewheres*). Постматериалисты – это именно *anywheres*, то есть своеобразные «граждане мира», преодолевшие этнонационализм, проявляющие «универсальный гуманизм» и воспринимающие мир в идеалистическом ключе мультикультурного мира. *Anywheres* приветствуют миграцию и даже считают, что

¹ Так называемый прикладной постмодернизм (Pluckrose, Lindsay 2020) или культурный марксизм – постмарксизм в духе Э. Лакло и Ш. Муффа (Laclau, Mouffe 2014).

² На выборах 2020 г. Дж. Линдси призывал голосовать за Трампа.

гражданские права не должны давать никаких «привилегий». Они также часто приветствуют транснациональные организации и не имеют ничего против глобализации.

Правда, идеализм *anywheres* лукав, поскольку они находятся в выгодных условиях: образование позволяет им быть востребованными везде, поэтому если *где-то* возникнут проблемы, они быстро сменят свое местоположение, на что не всегда способны «укорененные» люди. Анализируя данные социологических исследований, Д. Гудхарт заключает, что большая группа жителей глобальной деревни находится в сфере высшего образования и среди творческих людей. Как он пишет, *anywhere* «обычно считает себя толерантным, социально осведомленным и прогрессивным, но ключевые составляющие мировоззрения *anywhere* – открытость, меритократия, автономия и принятие изменений – имеют тенденцию приносить пользу богатым и способным и с гораздо меньшей вероятностью принесут пользу тем, кто находится в нижней части спектра доходов и способностей, по крайней мере, в краткосрочной перспективе» (Goodhart 2017: 34). Основная группа, которая проиграла в результате последней волны глобализации, – это бедные люди в богатых странах (в основном от деиндустриализации). Кроме того, существует проблема утечки мозгов из стран Центральной и Восточной Европы: «20 млн человек покинули Восточную Европу за последние двадцать пять лет, из которых 80% направились в страны Западной Европы. С 2011 по 2013 г. Румыния потеряла почти треть своих врачей в других странах ЕС. Для некоторых стран это не просто утечка мозгов, а настоящий демографический кризис» (Goodhart 2017: 86). Как справедливо замечает Гудхарт, правый популизм в современных западных странах стал чем-то вроде нового социализма. Почти все европейские популистские партии в настоящее время имеют подавляющее большинство избирателей из рабочего класса, и большая часть из них проводят политику, которая может быть описана как государственническая/протекционистская (Goodhart 2017: 63). Соответственно, раскол между *anywheres* и *somewheres* прямо повлиял на голосование по Брекситу, так как само это голосование было классово-коррелированным: за «остаться» высказались 57% представителей высших социальных классов, но только 36% представителей «низов» (Goodhart 2017: 22).

Правые авторы в последнее время довольно часто выступают с протекционистскими высказываниями (протекционистская позиция Д. Трампа и его симпатии к «необразованным людям» общеизвестны). Консервативный историк и обозреватель В. Хэнсон в своей книге “The Dying Citizen” («Умиравший гражданин») очень долго рассуждает об экономических проблемах граждан, пострадавших от глобализации. Причем в некоторых местах трудно узнать в авторе сторонника республиканской партии. «Возродилась, – пишет он, – древняя, но неосуществимая идея космополитизма, теперь движимая привилегированными утопистами, наделенными возможностью путешествовать по всему миру, финансами и коммуникациями XXI в. Они редко страдают от реальных последствий своих собственных непрактичных идей, учитывая, что их сила, богатство

и влияние, порожденные американскими гражданами, в значительной степени освобождают их от обязанностей, которые так сильно ложатся на средний и низший классы – будь то чрезмерное регулирование экономики ради окружающей среды или принесение интересов американских рабочих в жертву иностранному коммерческому и торговому хищничеству. Его архитекторы сосредотачиваются на далеком и анонимном зарубежье, в меньшей степени на конкретных американцах поблизости – как будто теоретические рассуждения о таких проступках, как использование пластиковых пакетов или использование природного газа за границей, могут компенсировать неспособность решить проблемы бездомности в Америке, снижения заработной платы, эпидемии наркотиков и сокрушительных студенческих долгов» (Hanson 2021: 19).

Похожая ситуация с иммиграцией. Левые постматериалисты называют правых, выступающих за ограничение нелегальной иммиграции (стена на границе с Мексикой уже стала притчей во языцех), расистами и шовинистами, однако «открытые границы» далеко не всегда хороши для бедных людей без образования (о конкуренции на рынке труда речь пойдет далее). Более того, такие границы не способствуют тому, чтобы правительства увеличивали инвестиции в человеческий капитал. Зачем вкладываться в профессиональное образование, если можно импортировать нужную рабочую силу? Как замечает Д. Гудхарт, в Великобритании благодаря активной иммиграции работодатели смогли резко сократить свои учебные счета в последние годы и заменить местных подростков. «Государственный сектор также смог сократить бюджеты на обучение медсестер и нанять уже обученных медсестер из Португалии или Польши. Правительства и работодатели смогли отложить давно назревшую реформу инфраструктуры профессионально-технического обучения в Великобритании. <...> Между тем в районах с высокой иммиграцией граждане, выполняющие средне- и низкоквалифицированную работу, скорее всего, будут еще чаще ощущать себя заменяемыми винтиками в экономической машине, поскольку они подвергаются более серьезной конкуренции с различного рода посторонними» (Goodhart 2017: 100).

NB! Уже давно ведутся дискуссии о том, каков экономический эффект от иммиграции. Здесь показательна полемика в США. В 2017 г. был опубликован скандальный отчет Федерации за американскую иммиграционную реформу (FAIR), согласно которому «общая годовая стоимость нелегальной иммиграции» составила \$ 116 млрд. FAIR пришла к этому числу, вычитая уплаченные нелегальными иностранцами налоговые поступления – около \$ 19 млрд, из общего экономического воздействия нелегальной миграции в \$ 134,9 млрд. Этот отчет был раскритикован многими экспертами. Так, Институт Катона, американская частная исследовательская и просветительская организация либертарианского направления, выпустил свой «фактчекинг», где указал на то, что эксперты FAIR завышали данные о государственных издержках на мигрантов (например, учитывались траты на образование детей иммигрантов, рожденных в США, то есть автоматически

уже становившихся гражданами)¹. Так или иначе, даже учитывая преувеличения и преуменьшения в анализе *FAIR*, многие эксперты склонны отмечать, что государственные затраты (например, на предоставление неотложной медицинской помощи) на нелегальных мигрантов достаточно велики (до \$ 50 млрд), что подтверждают данные независимых исследований². Более того, с частью критики со стороны Института Катона можно не согласиться, например, где они утверждают, что неправомерно учитывать расходы на сам иммиграционный контроль (стоит ли его вовсе отменить?). В чем, несомненно, правы критики, так это в том, что любой анализ социальных издержек на нелегальных иммигрантов должен быть дополнен изучением экономического вклада мигрантов в ВВП. Более аргументированный анализ экономических последствий иммиграции (как легальной, так и нелегальной) мы можем найти в книге 2016 г. “We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative” («Нам нужны рабочие: разгадка истории иммиграции»), написанной профессором Гарвардской школы Кеннеди Дж. Борхасом. Как он показывает, тенденции в области заработной платы за последние полвека свидетельствуют о том, что 10-процентное увеличение числа работников с определенным набором навыков снижает заработную плату этой группы по крайней мере на 3%. Именно низкоквалифицированные американские рабочие, в том числе многие чернокожие и латиноамериканцы, больше всего пострадали от падения заработной платы. По оценке Борхаса, из-за иммиграции доходы особенно уязвимой группы сократились на \$ 800–1500 в год. Конечно, иммигранты вносят в свой вклад в экономику, но в выигрыше остаются наиболее богатые. Дополнительные прибыли настолько велики, что экономический пирог, начисляемый всем жителям США, фактически растет. Как отмечает Борхас, «иммиграционный профицит» – чистое увеличение общего богатства коренного населения – составляет около \$ 50 млрд в год. Но общее перераспределение богатства от местных проигравших к местным победителям составляет \$ 0,5 трлн (!) в год. В одной из своих статей Борхас отмечает следующее: «Когда мы смотрим на общую ценность иммиграции, есть еще один осложняющий фактор: иммигранты получают государственную помощь по более высоким ставкам, чем коренные жители. Более высокая стоимость всех услуг, предоставляемых иммигрантам, и более низкие налоги, которые они платят (потому что у них более низкие доходы), неизбежно означают, что из года в год иммиграция создает финансовую дыру в раз-

¹ Nowrasteh A. 2017. *FAIR’s “Fiscal Burden of Illegal Immigration” Study Is Fatally Flawed* // Cato Institute. 29.09.2017. URL: <https://www.cato.org/blog/fairs-fiscal-burden-illegal-immigration-study-fatally-flawed> (дата обращения: 12.09.2022).

² См., напр.: Van G., Orellana J. 2021. *An Economic Analysis on the Social Cost of Illegal Immigration*. MPRA Paper No. 109519 // The Munich Personal RePEc Archive. 02.09.2021. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/109519/> (дата обращения: 12.09.2022).

мере не менее \$ 50 млрд – бремя, которое ложится на коренное население. К чему все это приводит? Фискальное бремя компенсирует выгоду от профицита иммиграции в размере \$ 50 млрд, поэтому не слишком надуманно заключить, что иммиграция практически не повлияла на общее богатство коренных жителей. Вместо этого она изменила то, как поделен пирог, и проигравшие – низкоквалифицированные американские рабочие, которые конкурируют с иммигрантами, – ежегодно отправляют победителям чек на сумму около \$ 500 млрд»¹.

Консервативные авторы бьют в ту же цель. Д. Д’Суза, переходя на почти марксистский язык, отмечает, что раньше профсоюзы выступали против нелегальной иммиграции, так как импорт большого количества нелегалов, готовых работать за меньшие деньги, практически гарантирует снижение заработной платы местных рабочих. Он приводит все больше и больше цитат классиков марксизма, чтобы подчеркнуть, что сегодняшний рабочий класс подвергся идеальному шторму глобализации и аутсорсинга. Вновь становится трудно узнать в тексте именно автора-республиканца. «Я думаю, – пишет Д’Суза, – что Маркс был бы сбит с толку. Он подумал бы, что за левые хотят импортировать иностранных рабочих, чтобы подорвать переговорные позиции местных рабочих? Во всяком случае, это разделит рабочий класс. Это настроит иностранцев против коренных жителей, это заставит местных рабочих обвинять иностранцев – вместо класса капиталистов – в своих бедах, и это отложит, если не заблокирует, перспективы социалистической революции» (D’Souza 2020: 106).

Не всегда соответствуют идеалистическому «универсальному гуманизму» сами нелегальные мигранты. Критика негативных социальных последствий нелегальной миграции – излюбленный прием консервативных авторов. И это вполне может иметь спрос со стороны не самых богатых людей, чьи районы проживания рискуют оказаться пространством для мафиозных войн. Э. Скарри обращает внимание на деятельность банды *Mara Salvatrucha* (MS-13), состоящей преимущественно из нелегальных мигрантов из Мексики. Многие нелегальные мигранты в оплату за переправку через границу перевозят оружие, занимаются сбытом наркотиков или проституцией (члены MS-13 активно вовлекают в проституцию молодых американских девушек, попутно «подсаживая» их на наркотики). «Их закрытые поселки, – пишет Скарри о прогрессивных левых интеллектуалах и журналистах, – и многоэтажные жилые дома защищены от группировок нелегальных мигрантов, торговцев наркотиками и растлителей малолетних, проникающих через границу в обычные государственные школы и районы. Культурным фашистам все равно, что произойдет, когда самые бедные и больные люди Центральной Америки сбегут в США. Это не их проблема. Это ваше. А если вы не хотите с этим справиться, то это потому, что вы расист» (Scarry 2020: 107). Как замечает В. Хэнсон, в США насчитывается

¹ Borjas G.J. 2016. Yes, Immigration Hurts American Workers // Politico. September/October. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/09/trump-clinton-immigration-economy-unemployment-jobs-214216/> (дата обращения: 12.09.2022).

более 800 тыс. нелегалов с уголовным прошлым, почти 700 тыс. из них были осуждены за тяжкие преступления (Hanson 2021: 179).

NB! Научные данные о влиянии нелегальной иммиграции на преступность противоречивы. Исследования в европейских странах приводят к зачастую противоположным результатам: от свидетельств в пользу того, что иммигранты способствуют росту преступности до утверждений, что они эту преступность даже снижают (Ignatans, Matthews 2017). Такой разброс объясним разницей в методологии, а также в выборке стран. Очевидно, что всегда нужно иметь в виду, о каких мигрантах мы говорим. Это могут быть иммигранты из бедных стран с чуждой Западу культурой. Но могут быть и те же самые европейцы с достаточно развитым человеческим капиталом, но из более бедных стран вроде Румынии, Молдавии или Украины. Негативное влияние более очевидно в тех исследованиях, которые делали акцент именно на массовой иммиграции, причем из стран, где изначально уровень преступности высок, а социальные ценности сильно контрастируют с культурным климатом принимающей страны. К примеру, исследование Й. Адамсона, анализирующего данные за 2002–2017 гг., показало, что в Швеции 58 % лиц, подозреваемых в совершении всех преступлений, являются иммигрантами. Что касается убийств, непредумышленных убийств и покушений на убийство, то этот показатель составляет 73 %. С незарегистрированными иммигрантами связано около 13 % преступлений (Adamson 2020). Такой разительный контраст обусловлен как раз тем, что уровень преступности среди коренных жителей Швеции крайне низок. Сомнительным представляется научный «консенсус», согласно которому в США мигранты совершают меньше преступлений, чем коренные жители. Во-первых, многие наблюдатели отмечают, что в США плохо ведется учет миграционного статуса преступников. И даже там, где он ведется, результаты исследований могут быть основаны на поверхностных данных. Так, больше всего доступных данных имеется по штату Техас, и там же достаточно много нелегальных мигрантов, в основном мексиканского происхождения. Сначала Институт Катона¹, а затем М. Лайт и его коллеги-социологи из Висконсинского университета в Мадисоне обнаружили, что уровень арестов нелегальных иммигрантов за тяжкие преступления был значительно ниже, чем коренных жителей (Light, He, Robey 2020). Однако позже выяснилось, что в данных исследованиях некорректно интерпретировались данные Департамента общественной безопасности Техаса (DPS). Когда людей арестовывают в Техасе, DPS отправляет их отпечатки пальцев в Федеральный департамент внутренней безопасности (DHS) для определения иммиграционного статуса. Нелегальные иммигранты, которые

¹ Nowrasteh A. 2018. Criminal Immigrants in Texas: Illegal Immigrant Conviction and Arrest Rates for Homicide, Sex Crimes, Larceny, and Other Crimes // Cato Institute. 26.02.2018. URL: <https://www.cato.org/publications/immigration-research-policy-brief/criminal-immigrants-texas-illegal-immigrant> (дата обращения: 12.09.2022).

сталкивались с сотрудниками иммиграционной службы, например, на границе или во время предыдущего ареста, будут идентифицированы *DHS*, а затем помечены как нелегалы в данных *DPS*. Однако иммиграционный статус значительной части иммигрантов, арестованных в Техасе, не может быть проверен этой системой, поскольку иммиграционные чиновники никогда с ними не сталкивались. Поэтому Департамент уголовного правосудия Техаса (DCJ) продолжает расследовать иммиграционный статус правонарушителей, пока они находятся в заключении. Исследование, которое учло этот фактор, показало, что нелегальные иммигранты в Техасе гораздо чаще осуждаются за такие преступления, как убийство, сексуальное насилие и похищение людей, чем коренные жители¹. Как бы то ни было (дискуссия между Институтом Катона и оппонировавшим ему Центром иммиграционных исследований ведется на момент написания данной статьи², и последний, на наш взгляд, пока более убедителен), причина, по которой граждане так чувствительны к преступлениям неграждан, может заключаться в чисто моральных требованиях к тем, кто расценивается в качестве гостя или кандидата на статус гражданина. Они пока еще «не свои», а потому и вести себя должны «подобающим образом» (по другой логике, если одно преступление совершено нелегальным иностранцем, это одновременно много преступлений, потому что этот человек даже не должен был быть в стране³).

Экологический алармизм. Один из главных признаков постматериалиста – озабоченность экологическими проблемами. Поскольку ему больше не нужно думать о хлебе насущном, он даже склонен стремиться к отрицанию материального, думая о негативных последствиях потребления. Собственно, экологическая тема уже давно ассоциируется с «левизной». По ту сторону баррикад – критики экологического алармизма и/или «отрицатели глобального потепления» (это не одно и то же), которых левые обвиняют чуть ли не в геноциде всего живого на Земле, ибо катастрофа настолько близка, что необходимы срочные меры: немедленный или очень скорый отказ от дешевого ископаемого топлива и огромные инвестиции в зеленую

¹ Kennedy S., Richwine J., Camarota S.A. 2022. Misuse of Texas Data Understates Illegal Immigrant Criminality // The Center for Immigration Studies. 11.10.2022. URL: <https://cis.org/Report/Misuse-Texas-Data-Understates-Illegal-Immigrant-Criminality#3> (дата обращения: 15.12.2022).

² См.: Nowrasteh A. 2022. The Center for Immigration Studies Produces Improbably High Estimates of Illegal Immigrant Criminality in Texas // Cato Institute. 13.10.2022. URL: <https://www.cato.org/blog/center-immigration-studies-produces-improbably-high-estimates-illegal-immigrant-criminality> (дата обращения: 15.12.2022); Richwine J., Kennedy S. 2022. Continued Misuse of Texas Crime Data // The Center for Immigration Studies. 20.10.2022. URL: <https://cis.org/Richwine/Continued-Misuse-Texas-Crime-Data> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Krikorian M., Richwine J. 2022. Flawed Studies Misuse Texas Crime Data Resulting in False Claims about Illegal Alien Crime // The Center for Immigration Studies. 20.10.2022. URL: <https://cis.org/Parsing-Immigration-Policy/Flawed-Studies-Misuse-Texas-Crime-Data-Resulting-False-Claims-about> (дата обращения: 15.12.2022).

энергетику, инициативы вроде *Green New Deal* (GND) – *Зеленого нового курса*. Здесь мы бы хотели разбить повествование на два отрезка. Сначала стоит обратить внимание на дискуссионность многих тезисов, являющихся основной алармистских дискурсов¹. В своей критике экологического алармизма скептики и просто ученые, предпочитающие объективно взвешивать все «за» и «против», могут быть достаточно убедительными. А затем мы посмотрим, как этим пользуются правые авторы, подчеркивающие, насколько сильно зеленые инициативы расходятся с материальными интересами бедных.

Оснований сомневаться в климатическом алармизме достаточно. С. Кунин, американский физик-теоретик, бывший директор Центра городских наук и прогресса в Нью-Йоркском университете, заместитель министра по науке Министерства энергетики в администрации Б. Обамы, в книге “Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn’t, and Why It Matters” («Беспокойство. Что наука о климате говорит нам, чего не знает и почему это важно»), приводя результаты эмпирических наблюдений, пытается разоблачить многие мифы об изменении климата. Среди отмеченного им выделим следующее (сразу подчеркнем, что некоторые пункты остаются дискуссионными):

- волны тепла в США сейчас не более распространены, чем в 1900 г., самые высокие температуры не повышались последние пятьдесят лет;
- за последнее столетие люди не оказали заметного влияния на ураганы;
- ледяной щит Гренландии сегодня сокращается не быстрее, чем восемьдесят лет назад;
- чистое экономическое воздействие антропогенного изменения климата будет минимальным по крайней мере до конца этого столетия;
- несмотря на то, что с 1950 г. антропогенное воздействие увеличилось почти в пять раз, а земной шар немного потеплел, самые суровые погодные явления остаются в пределах прежней изменчивости;
- растительный и животный мир процветали в изобилии во времена, когда уровень CO₂ был в пять или десять раз выше, чем сегодня;
- средняя самая холодная температура года явно повысилась с 1900 г., но средняя самая теплая температура почти не изменилась за последние шестьдесят лет и сегодня примерно такая же, какой была в 1900 г.;
- уровень смертности, связанной с погодой, резко снизился за последние сто лет, даже когда земной шар потеплел на 1,2°C; сегодня он примерно в восемьдесят раз ниже, чем столетие назад;

¹ Говоря о дискуссионности, мы не утверждаем, что глобальное потепление не проблема, что никаких мер не требуется или что никаких негативных экологических последствий не наблюдается. Скорее, речь идет о дискуссии, когда разные авторы, критикуя друг друга, приводят значимые аргументы и контраргументы. Игра не ведется в одни ворота. Иными словами, речь должна идти не об «отмене» озабоченности экологическими проблемами, но о большей осторожности по отношению к конкретным политическим решениям в данной области.

– увеличение концентрации углекислого газа стало важным фактором повышения урожайности, поскольку оно повышает скорость фотосинтеза и изменяет физиологию растений;

– воздействие глобального потепления на США невелико: очень сильное потепление на 5° С в конце века уменьшит экономику США на 4% (но рост как таковой продолжится);

– только для стабилизации антропогенного воздействия на климат потребуется, чтобы к 2075 г. глобальные ежегодные выбросы CO₂ на душу населения упали до уровня менее одной тонны, что сопоставимо с сегодняшними выбросами таких стран, как Гаити, Йемен и Малави;

– перед развивающимся миром стоит множество гораздо более неотложных проблем, включая адекватное энергоснабжение, транспорт, жилье, проблемы общественного здравоохранения, такие как чистая вода и санитария, а также образование, не говоря уже о восстановлении после COVID-19 (Koonin 2021).

Б. Ломборг, президент Копенгагенского центра консенсуса и бывший директор датского правительственного Института экологической оценки (EAI), в книге “False Alarm” («Ложная тревога») подсчитывает, насколько большим может быть ущерб от отчаянных попыток уменьшить темпы глобального потепления. По его мнению, одержимость изменением климата означает, что сейчас «мы переходим от растраты миллиардов долларов на неэффективную политику к растрате триллионов. В то же время мы игнорируем все больше и больше насущных и вполне поддающихся решению мировых проблем» (Lomborg 2020: 11). Исследователь утверждает, ссылаясь на экономические модели, что цена изменения климата к концу века, если ничего не будет предпринято, составит около 3,6% мирового ВВП. Сюда входят все негативные воздействия: не только увеличение затрат из-за более сильных штормов, но и рост количества смертей от волн жары и потери водно-болотных угодий в связи с повышением уровня моря. Это означает, что к 2100 г. доходы могут увеличиться не на 450%, а «только» на 434%: «Это определено проблема. Но это явно не катастрофа» (Lomborg 2020: 13). Далее он отмечает, что богатым легче выступать за высокие налоги на энергию (читай: быть постматериалистом – это недешево). Более того, финансовые выгоды от климатической политики (например, субсидии, предоставляемые домовладельцам на установку солнечных панелей, утепление дома или вождение электрокаров) в подавляющем большинстве случаев достаются *самым богатым*. Напротив, борьба с бедностью могла бы параллельно способствовать решению многих вопросов. Так, одной из самых смертоносных экологических проблем на сегодняшний день является загрязнение воздуха внутри помещений, обусловленное тем, что беднейшие 2,8 млрд человек в мире вынуждены готовить и обогревать свои дома, сжигая грязное топливо: дрова, навоз и картон (Lomborg 2020: 42). Вместо решения этих проблем левые постматериалисты думают преимущественно о сокращении темпов экономического роста и эмиссии CO₂. По оценкам Ломборга, если Евросоюз реально выполнит свои климатические обещания на 2050 г., он один в конечном итоге будет тратить суммы, превышающие

все его текущие расходы на образование, здравоохранение, жилье, оборону, полицию и суды (Lomborg 2020: 98).

В принципе, сегодня все больше ученых и общественных деятелей обращают внимание на изъяны экологического алармизма. К примеру, М. Шелленбергер, бывший экологический активист и демократ (ныне занимающий нейтральную позицию), а также соучредитель центра экологических исследований «Институт прорыва», написал книгу “Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All” («Апокалипсис никогда: почему экологический алармизм вредит всем нам»), в которой утверждает, что изменение климата не является экзистенциальной угрозой, которую изображают в популярных СМИ (Shellenberger 2020). Он утверждает, что технологические инновации, если в них активно вкладываться, решат экологические проблемы. В этом он согласен с Б. Ломборгом: есть огромное множество способов бороться с негативными последствиями глобального потепления, не занимаясь агрессивной «ограничительной» политикой: от активных инвестиций в науку (например, технологии управляемого термоядерного синтеза) до строительства дамб, препятствующих затоплению городов. Шелленбергер также приводит ряд примечательных фактов и прогнозов:

- урожайность значительно возрастет при самых разных сценариях изменения климата; сегодня человечество производит достаточно еды для 10 млрд человек, что составляет 25-процентный излишек; производство продуктов питания может увеличиться даже при повышении температуры на 4–5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем;

- политика в области изменения климата с большей вероятностью нанесет ущерб производству продуктов питания и усугубит бедность в сельских районах, чем само изменение климата;

- масштабные лесные пожары обычно вызываются не жарой, а накоплением древесной биомассы (и это происходит как раз из-за редкости пожаров, которые тушат люди);

- выбросы углерода в развитых странах снижаются уже более десяти лет (в основном благодаря переходу с угля на природный газ и атомную энергию);

- растения Амазонки потребляют около 60% производимого ими кислорода; остальные 40% потребляют микробы, которые разлагают биомассу тропических лесов;

- с 1998 по 2015 г. в мире произошло колоссальное 25-процентное сокращение ежегодной площади выгорания лесов, в основном благодаря экономическому росту;

- во всем мире рост новых деревьев превысил потерю деревьев за последние тридцать пять лет на площади, равной площади Техаса и Аляски вместе взятых;

- в Калифорнии запрет пластиковых пакетов привел к использованию большего количества бумажных пакетов и других более толстых пакетов, что увеличило выбросы углерода из-за большего количества энергии, необходимой для их производства; биопластики, в том числе целлюлоза, так же долговечны, как пластмассы, изготовленные из нефтепродуктов;

- за последние три столетия в Европе появилось больше новых видов растений, чем было задокументировано как вымершие за этот же период;
- реальная угроза для горилл и других диких животных – это не экономический рост и ископаемое топливо, а бедность и древесное топливо;
- чтобы люди перестали использовать дрова и уголь в качестве топлива, им потребуется доступ к сжиженному нефтяному газу и дешевому электричеству;
- города, растущие в результате индустриализации и экономического роста, концентрируют человеческое население и оставляют большую часть сельской местности *дикой природе*;
- сотни миллионов лошадей, крупного рогатого скота, волов и других животных все еще используются в качестве тягловой силы для сельского хозяйства в Азии, Африке и Латинской Америке; отсутствие необходимости выращивать пищу, чтобы накормить их, может освободить значительные площади земли для вымирающих видов;
- ядерная энергия является самым безопасным способом производства надежного электричества;
- солнечные панели часто содержат свинец и другие токсичные химические вещества;
- стоимость возобновляемых источников энергии для потребителей была ошеломляюще высокой; возобновляемые источники энергии способствовали росту цен на электроэнергию в Германии на 50% с 2007 г. В 2019 г. они были там на 45% выше, чем в среднем по Европе;
- если Соединенные Штаты попытаются производить энергию, которую они используют, из возобновляемых источников, потребуется от 25 до 50% всей их земли; напротив, сегодняшняя энергетическая система требует всего 0,5% (см.: Shellenberger 2020).

По мнению Шелленбергера, лицемерно и неэтично требовать, чтобы бедные страны шли по более дорогому и, следовательно, более медленному зеленому пути к процветанию, чем Запад. Хотя и развитым странам зеленый алармизм наносит вред. К примеру, солнечным и ветряным электростанциям по всему миру требуется в среднем в 300–400 раз больше земли, чем природному газу или атомным электростанциям для производства такого же количества энергии. Солнечная энергия не очень благоприятна для Земли, так как панели требуют в 17 раз больше материалов в виде цемента, стекла, бетона и стали, чем атомные электростанции, и создают более чем в 200 раз больше отходов¹. Тезисы Шелленбергера сильно контрастируют со многими левыми и «прогрессивными» дискурсами. Так, Дж. Батлер, осуждая системное насилие, пишет: «...иногда возникает и заразное чувство откровенного удовлетворения от садизма, которое мы, например, наблюдали в действиях против чернокожих сообществ в США, когда невооруженных

¹ Shellenberger M. 2020. Democrats' New Climate Plan Will Kill Endangered Species, Environmentalists Fear // Forbes. 30.06.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/michaelshellenberger/2020/06/30/democrats-climate-plan-will-kill-endangered-species-environmentalists-fear/#5fcaa6507571> (дата обращения: 12.09.2022).

черных людей, бежавших от полиции, расстреливали с такой легкостью и моральной безнаказанностью, как будто они были добычей на охоте. И такое удовлетворение присутствует в аргументах против борьбы с изменением климата, упрямо выдвигаемых теми, кто понимает, что если они признают реальность этого изменения, то им придется ограничить экспансию промышленности и рыночной экономики» (Батлер 2022: 94). Здесь примечательно сравнение полицейского насилия со скепсисом по (в том числе) отношению к экологическому алармизму (что, повторим, не есть то же самое, что отрицание изменения климата). Получается, что одна социальная группа должна иметь право на ненасилие, но миллионы людей, отапливающих свои дома дровами или навозом, вполне можно лишить «экспансии промышленности», которая, по сути, и есть реальный путь преодоления нищеты и бедности.

NB! С. Куни, Б. Ломборг и М. Шелленбергер не единственные исследователи, отрицающие не столько изменение климата, сколько панику вокруг этого изменения¹. Разумеется, многие данные и оценки в науке о климате имеют дискуссионный характер, и все сказанное выше не означает, что «отрицатели алармизма» однозначно правы или что противоположной стороне совершенно нечем ответить (дискуссионность означает, на наш взгляд, что обе стороны имеют убедительные доводы и аргументы при отсутствии надежных предсказательных моделей и слишком большой сложности объекта, о котором идет речь, что порождает различные интерпретации, оценки и т.п.). Но сама такая дискуссионность (именно в научном, а не активистском или политическом сообществе) заставляет как минимум задуматься об оправданности выбора тех или иных способов борьбы с экологическими проблемами (нужно ли нам больше ветряков, занимающих огромные площади и убивающих птиц, или больше атомных электростанций?) или об их в большей степени *ценностной*, а не научной обусловленности. Здесь нужно также быть внимательным к самому ходу

¹ Можно учесть, например, более радикальную в своем скепсисе позицию 3. Сингера (см., напр.: Singer 2021) – американского физика, заслуженного профессора наук об окружающей среде в Университете Вирджинии, изучавшего физику атмосферы. С его именем связано много скандалов и споров об интерпретации тех или иных данных или результатов климатических моделей (его обвиняли в отрицании изменения климата, хотя он называл себя климатическим скептиком). Он указывал на неточности в исторических климатических данных и на неудачи климатических моделей, а также на влияние солнечной изменчивости, облаков, океанских течений и уровня моря на глобальный климат, а также факторы, которые могут смягчить любое воздействие человека на мировой климат. В своих работах он утверждал, что CO₂ не вызывал повышения температуры или уровня моря сверх исторического уровня; что любое увеличение концентрации CO₂ в течение огромных промежутков времени не предшествовало повышению глобальной температуры, а следовало за ним только примерно через 600–800 лет; что углеродные налоги и другие решения кризиса глобального потепления будут иметь серьезные последствия для экономически неблагополучных групп и наций; что климатологи-паникеры скрыли свои необработанные данные о температуре и подорвали систему экспертной оценки, чтобы подавить дебаты.

дискуссии. К примеру, книгу С. Кунина «Беспокойство...» почти сразу раскритиковал ряд экологов. Как указали критики, тезис Кунина о том, что ледяной щит Гренландии сегодня сокращается не быстрее, чем восемьдесят лет назад, крайне спорен, и некоторые данные его опровергают. Были и претензии к тому, что Кунин занимается черрипикинг¹, собирая доказательства в поддержку своих тезисов, но игнорируя другие². Стоит заметить, что Кунин неоднократно на критику отвечал³. Кроме того, видно, что критики сами занимаются искажением позиции Кунина, определяя его как отрицателя изменения климата или как человека, призывающего бездействовать. Можно согласиться с одним из критиков, который также указал на спорность тезиса о темпах таяния ледников Гренландии, но не стал спорить с главным посылом книги: «Я полностью согласен с замечанием Кунина о том, что политика, направленная на замедление или обращение вспять изменения климата, вероятно, потерпит неудачу. Затраты на эти правительственные планы действий могут не оправдать климатические выгоды в долгосрочной перспективе. Я также согласен с тем, что сложные энергетические системы и модели поведения человека вряд ли изменятся так быстро, как это необходимо, даже если деньги не будут проблемой. Он также прав в том, что многие активистские движения, по крайней мере, так же нереалистичны, как и большинство правительственных политик»⁴. Иными словами, даже если люди вроде Кунина и ошибаются (полностью или частично) в оценке последствий изменения климата, все еще остается актуальным вопрос о средствах лечения болезни. Если лекарство наносит или потенциально может нанести урон больший, чем сама болезнь, причем наиболее бедным, то можно пытаться искать альтернативные решения.

¹ *Cherry picking* («сбор вишни») – выборочное представление фактов для подтверждения определенной позиции.

² См.: Mills M.P. 2021. Wall Street Journal Article Repeats Multiple Incorrect and Misleading Claims Made in Steven Koonin's New Book 'Unsettled' // Climate Feedback. 25.04.2021. URL: <https://climatefeedback.org/evaluation/wall-street-journal-article-repeats-multiple-incorrect-and-misleading-claims-made-in-steven-koonins-new-book-unsettled-steven-koonin/> (дата обращения: 12.09.2022).

³ См.: Koonin S. 2021. A Bad Check of Climate Facts // Steven Koonin – Medium. 16.05.2021. URL: <https://steven-koonin.medium.com/response-to-climate-feedbacks-fact-check-of-mark-mills-wall-street-16b9742fe35a> (дата обращения: 12.09.2022); Koonin S. 2022. Factchecking PolitiFact on Greenland's Shrinking Ice // The American Enterprise Institute. 18.02.2022. URL: <https://www.aei.org/op-eds/factchecking-politifact-on-greenlands-shrinking-ice/> (дата обращения: 12.09.2022); Watts A. 2021. Dr. Steve Koonin Responds to a Scientific American Smear Article by Oreskes et al. // ClimateRealism. 03.06.2021. URL: <https://climateralism.com/2021/06/dr-steve-koonin-responds-to-a-scientific-american-smear-article-by-oreskes-et-al/> (дата обращения: 12.09.2022).

⁴ Steven Koonin's Unsettled: Much to Like and to Dislike // Art Berman. 23.02.2022. URL: <https://www.artberman.com/2022/02/23/steven-koonins-unsettled-much-to-like-and-to-dislike/> (дата обращения: 12.09.2022).

На этой интеллектуальной почве процветают дискурсы правых, консерваторов и республиканцев, которые почти в каждой книге затрагивают тему зеленой «левизны». Поскольку здесь нам уже нужны не столько сами аргументы, сколько политический оттенок дискурсов, можно привести несколько цитат, чтобы понять, почему правые бывают левее левых. М. Морано, один из главных консервативных климатических скептиков, в книге “Green Fraud” («Зеленое мошенничество») регулярно подчеркивает цену грандиозных инициатив вроде *GND*: это «повлияет на бедных, заставив их платить более высокую долю своего дохода за энергию, которая будет стоить намного дороже и будет менее надежной, с регулярными отключениями, подобными тем, которые они уже испытывают в “зеленой” Калифорнии» (Morano 2021: 13). В. Хэнсон присоединяется к критике радикальной зеленой энергетики в Калифорнии, обращая внимание на затратные экологические программы, при том что более одной пятой жителей живут за чертой бедности (Hanson 2021: 43). Он также критикует недофинансирование строительства дорог и мостов. Проект высокоскоростной железной дороги потерпел многомиллиардный перерасход средств, а соседняя автомагистраль оставалась в ветхом состоянии и по большинству показателей была самой опасной главной магистралью в стране (Hanson 2021: 43). Наконец, как он отмечает, если бы штат просто использовал свои первоначальные ассигнования на высокоскоростную железную дорогу в размере \$ 10 млрд на строительство трех крупных плотин, важных для Калифорнийского водного проекта, у калифорнийцев могло бы быть значительно больше критически важной воды. «В любом случае новая ортодоксальность, согласно которой плотины и водохранилища представляют собой шрамы на природном ландшафте, оказывающие пагубное воздействие на реки и ручьи, по-прежнему не меняет того, что 30 млн калифорнийцев живут в естественных условиях пустыни. Они просто не могут ни работать, ни жить без огромного импорта воды из северной трети штата и горного хребта Сьерра-Невада» (Hanson 2021: 46).

Д. Нуньес в книге “Countdown to Socialism” («Обратный отсчет до социализма») также обращается к этой теме, говоря об интересах *простых людей*. Как он пишет, в течение многих десятилетий эта сложная ирригационная система, включающая насосные сооружения станции, акведуки, трубопроводы и пр., была в центре внимания радикальных экологов, «которые хотят отодвинуть фермеров в сторону и вернуть землю в естественное состояние пустыни. Это характерно для экологического экстремизма социалистов, главная цель которого – установить контроль над населением» (Nunes 2020: 38). Резко протрамповский консервативный юрист, писатель и радиоведущий М. Левин посвящает экологической проблематике большую часть книги “American Marxism” («Американский марксизм»), где утверждает, что «текущая климатическая политика бессмысленно и серьезно подрывает экономическую систему, подвергая опасности жизни людей в странах, лишенных доступа и надежной электроэнергии» (Levin 2021). Он часто ссылается на исследования и приводит статистические данные, чтобы продемонстрировать, насколько сильный урон нанесут материальному благосостоянию рядовых граждан инициативы зеленых. «Согласно модели *Heritage*

Energy, – пишет Левин, – от налогов и регулирования выбросов углерода к 2040 г. можно ожидать следующего: сокращения более 1,4 млн рабочих мест; общую потерю дохода в размере более \$ 40 тыс. на семью из четырех человек; совокупную потерю валового внутреннего продукта более чем на \$ 3,9 трлн; увеличение расходов на электроэнергию в домохозяйствах в среднем примерно на 12–14%. Несомненно, эти прогнозы значительно недооценивают стоимость энергетических компонентов *GND*. Как отмечается в разделе “Часто задаваемые вопросы” Окасио-Кортес¹, углеродный налог – лишь один из многих инструментов политики, которые сторонники *GND* надеются внедрить» (Levin 2021: 119-120). Консерватор Д. Горовиц в книге “*The Enemy Within*” («Враг внутри») также отмечает (хотя об этом говорят почти все правые), что сокращение промышленных выбросов мало повлияет на снижение эмиссии CO₂, поскольку главный вклад в загрязнение окружающей среды сегодня вносят Китай и Индия, а Соединенные Штаты (благодаря активной замене угля природным газом) резко сократили свой углеродный след (Horowitz 2021: 146).

Кто угнетенный, а кто угнетатель? Современные левые постматериалисты позиционируют себя как борцов против «системного угнетения» и иногда даже против капитализма как такового. Неспроста правые критики ассоциируют их с марксизмом. Такая ассоциация, конечно, достаточно грубая, и резонно говорить, скорее, о постмарксизме, но целенаправленные попытки синтезировать, скажем, современную политику идентичности и марксизм имеют место в рамках различных концепций интерсекциональности (Bohrer 2019). Однако есть причины усомниться в том, что постматериалисты выражают интересы всех угнетенных от лица угнетенных. Если постматериализм возникает там, где больше нет серьезной материальной нужды, то вряд ли сами постматериалисты будут сильно распространены среди «низших» классов. Напротив, все больше критиков обращают внимание, что так называемые левые в реальности являются чем-то вроде нового правящего класса (как минимум новой элитной прослойкой). «Новый преуспевающий класс, – пишет профессор Школы государственного управления имени Блаватника Оксфордского университета и директор Международного центра роста П. Коллиер, – это уже не капиталисты и не традиционные рабочие: это образованные люди, освоившие новые профессии. Они составили новый класс, члены которого, знакомясь друг с другом в университетах, выработали новое общее самосознание. <...> Они выработали даже свою особенную мораль, в которой принадлежность к этническим меньшинствам и сексуальная ориентация позволяют говорить о существовании особых групп, описывающих себя в качестве “жертв”. Такая характерная забота обо всех притесняемых и социально ущемленных дает им в их собственных глазах моральное превосходство над менее образованными слоями населения» (Коллиер 2021: 12).

¹ Имеется в виду сайт Александрии Окасио-Кортес – общественной активистки, сторонницы демократического социализма, члена Демократической партии и Палаты представителей США.

Придерживающийся правых и консервативных убеждений канадский профессор маркетинга Университета Конкордия Г. Саад замечает, что левые уже фактически «колонизировали» университетские городки, школу, средства массовой информации, а также «прогрессивный» IT-бизнес. Левые постматериалисты доминируют везде, где рождаются и распространяются идеи (читай: идеология). Ученый подчеркивает, что в киноиндустрии и сценическом производстве соотношение демократов к республиканцам составляет 93:7; среди редакторов (в книжной и журнальной индустрии) – 92:8; в академических кругах – 90:10. Изучение среднесрочных политических взносов в размере \$ 200 и более среди сотрудников, работающих в технологической отрасли, выявило астрономический либеральный и левый уклон. Процент пожертвований, полученных кандидатами от Демократической партии, составил: *Netflix* – 99,6%; *Twitter* – 98,7%; *Apple* – 97,5%; *Google/Alphabet* – 96%; *Facebook*¹ – 94,5%; *PayPal* – 92,2%; *Microsoft* – 91,7% (Saad 2020: 69-70). М. Ноулз в связи с этим указывает на противоречие: как возможны «системные» расизм, сексизм, гомофобия и т.д., если левые и либералы контролируют практически все влиятельные институты в стране – основные СМИ, Голливуд, административное правительство, высшее и школьное образование, большие технологии? (Knowles 2021: 17)

Казалось бы, это должно быть хорошей новостью, ведь «прогрессивные» левые должны быть лучше капиталистов, которые думают только о деньгах. Но левые постматериалисты не спешат демонтировать сам капитализм. Они, скорее, усложняют жизнь капиталистам, но не делают ее невозможной. Наблюдается нечто вроде «синтеза элит», а не искренняя вражда левых по отношению к капитализму. Пока многие постматериалисты возлагают надежды на «капитализм заинтересованных сторон», более реалистично мыслящие владельцы глобальных корпораций пытаются выжать из обстоятельств максимум выгоды при минимуме потерь. Бывший левый, а ныне консерватор М. Ректенвальд замечает, что профессора бизнеса подружились с профессорами гуманитарных и социальных наук, которые, как известно, придерживаются левых взглядов. Их «левачество» передалось профессорам бизнеса, которые распространили его на своих студентов, продолживших управлять корпоративной Америкой. Затем эти корпоративные лидеры предлагают работникам и клиентам риторические плацебо вместо более дорогостоящих экономических уступок, таких как *более высокая заработная плата, лучшие льготы, более низкие цены*. Иными словами, «жесты пробуждения могут успокоить либеральную политическую элиту, продвигая свои программы политики идентичности, гендерного плюрализма, трансгендеризма, мягких иммиграционных стандартов, городов-убежищ и т.д. В свою очередь, “проснувшиеся” корпорации надеются избежать более высоких налогов, ужесточения регулирования и антимонопольного законодательства» (Rectenwald 2020: 36). Здесь стоит вновь подчеркнуть, что это слова отнюдь не левого автора. Еще более ра-

¹ Принадлежит *Meta Platforms*, признанной в России экстремистской организацией. Запрещен и заблокирован на территории РФ.

дикальным является взгляд политического обозревателя, американского предпринимателя в области здравоохранения и технологий В. Рамасвами. Он стремится раскрыть двуликость «пробужденных» капиталистов, которые попытались воспользоваться левыми дискурсами себе в угоду: под видом добрых дел корпоративные элиты скрывают свои истинные намерения. К примеру, *Nike* пообещала выделить \$ 40 млн для поддержки темнокожих в США. «Это последовало за широко освещаемой рекламой *Nike* с участием бывшего квотербека НФЛ Колина Каперника, который преклонил колени во время исполнения государственного гимна в знак протеста против социальной несправедливости. Это отвлекает от того, что *Nike* использует детский труд в потогонных мастерских в Юго-Восточной Азии и продает кроссовки за \$ 200 темнокожим детям из городских районов, которые не могут позволить себе покупать книги для школы» (Ramaswamy 2021: 28).

Побочные эффекты левых инициатив. Правые теоретики подчас убедительно показывают, насколько неоднозначными могут быть инициативы левых для благосостояния простых граждан. Американская политическая активистка и консервативная публицистка К. Оуэнс, к примеру, считает, что самая большая проблема для темнокожего сообщества в США – это не расизм, неравенство, отсутствие доступа к качественному здравоохранению или тем более изменение климата, а нехватка отцов в семье. Она утверждает, что радикализованное стремление к феминизму одновременно выхолащивает и криминализирует мужчин. Пособия способствуют распаду семьи и не стимулируют темнокожих мужчин к активизации деятельности. «Самое большое бремя, которое ложится на темнокожих, – пишет она, – это то, что 75 % темнокожих детей воспитываются без отцов. И с этим связаны все другие социальные негативные последствия: преступность, неспособность экономически конкурировать, большая вероятность быть арестованным – вот проблема номер один, с которой сталкивается темнокожее сообщество» (Owens 2020: 29). Так, в 1963 г. 72 % небелых семей состояли в браке и были вместе. К 2017 г. эти данные почти полностью изменились: только 27 % (Owens 2020: 31). Д. Горовиц также замечает, что распад семейных ценностей в темнокожем сообществе является важнейшей «ловушкой бедности»: 70 % процентов черных детей рождаются вне брака «благодаря системе социального обеспечения, навязанной демократами американской бедноте, которая урезает социальные пособия для домов, где присутствует отец» (Horowitz 2021: 23-24). Экономист Т. Соуэлл приводит примечательный факт: уровень бедности женатых темнокожих не только ниже, чем у темнокожих в целом, но в некоторые годы также был ниже, чем у белых в целом. «Например, в 2016 г. уровень бедности для черных составлял 22 %, для белых – 11 %, а для черных супружеских пар – 7,5 %» (Sowell 2019: 115).

Перечислять все побочные эффекты левых инициатив, которые могут быть причинами нищеты или неудобств для не самых богатых граждан (или восприниматься так теми, к кому обращаются консервативные авторы), можно довольно долго. Возьмем два примера. Когда весной и летом

2020 г. бушевали протесты, организованные движением *Black Lives Matter* в ответ на «убийство»¹ полицией преступника-рецидивиста Дж. Флойда, простым предпринимателям и их работникам был нанесен ощутимый материальный ущерб. В то время как статистические данные не согласуются с утверждениями активистов о повсеместном расизме в американской полиции (Mac Donald 2017), стремление «отменить полицию» и «избавиться от тюрем» не лучшим образом отразилось на общественном порядке в США. Как отмечает американский консервативный политический обозреватель, телеведущий и блогер Б. Шапиро, полицейские, понимая, что даже надлежащий арест, если он будет произведен белым офицером против чернокожего подозреваемого, может привести к крестовому походу СМИ против них и их департаментов, прекратили активную деятельность: «В результате в 2020 г. умерли тысячи американцев, которые просто не умерли бы в 2019 г.» (Shapiro 2021: 123).

Другая достаточно болезненная тема – рост стоимости высшего образования в США, что является огромной проблемой для многих молодых американцев, вынужденных долгое время расплачиваться по студенческим кредитам. Но среди многих факторов дороговизны образования можно найти колоссальные траты на различных «тренеров по разнообразию» и администраторов, следящих за проведением «прогрессивной» политики. В. Рамасвами утверждает, что с 1987 по 2012 г. в секторе высшего образования появилось более полумиллиона администраторов. Если бы количество администраторов в университетских городках оставалось в пропорциональном соотношении стабильным с 1976 г., их было бы на 537 317 человек меньше, чем сегодня, что позволило бы университетам сэкономить \$ 30,5 млрд в год и сократить стоимость обучения студентов на 20 % (Ramaswamy 2021: 66–67).

Это, вновь отметим, лишь несколько примеров того, как правые акцентируют внимание на возможных негативных последствиях левой постматериалистической политики для граждан, испытывающих самые обычные материальные трудности. Их гораздо больше: от экологического активизма, мешающего инвестировать туда, где есть острая нехватка рабочих мест, до высокомерного отношения левых интеллектуалов, политиков и прочих «прогрессивных» деятелей к проблемам необразованных жителей сельской глубинки вроде тех, кого пренебрежительно именуют реднеками.

¹ Возьмем это слово в кавычки. Хотя официальная версия признает именно убийство, очевидно, что в данном случае политика взяла верх над правдой. Как было сказано в заключении главного окружного судмедэксперта, патологоанатома Э. Бейкера, в крови погибшего «обнаружено так много метамфетамина и фентанила, что, если бы его тело обнаружили дома, очевидной причиной смерти назвали бы передозировку». См.: Волков К. 2020. Власти скрывали, что в крови Джорджа Флойда была почти смертельная доза наркотиков // Российская газета. 27.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/27/vlasti-skrывali-chto-v-krovi-dzhordzha-floyda-by-la-pochti-smertelnaia-doza-narkotikov.html> (дата обращения: 12.09.2022).

Заключение

Что значит быть левым? Сегодня существует множество систем классификации политических позиций, идеологий и партий или политических спектров, но деление на левых и правых является наиболее простым и удобным. В зависимости от ситуации данная дихотомия приобретает разные коннотации, но смысл достаточно прост. Левые стремятся к изменению сложившегося порядка и принципиальному прогрессивному обновлению общества. Это реформисты, прогрессисты, коммунисты, зеленые, социал-демократы, социалисты, синдикалисты, социал-либералы, демократические социалисты, левые либертарианцы, анархисты и т.д. Правые, в зависимости от ситуации, поддерживают сложившийся порядок или стремятся к сохранению или упрочению традиций и апеллируют к национальным «корням» или расе. Это консерваторы, реакционеры, неоконсерваторы, националисты, монархисты, теократы, фашисты и т.п. Понятно, что данная дихотомия (всегда условная и расплывчатая) актуальна только в том случае, если мы знаем общий контекст. Если в центре внимания находится современный неолиберальный порядок, то смысл политической «левизны» заключается именно в антикапиталистических устремлениях разной степени радикальности и принципиальности. Именно поэтому в обыденной речи и даже в академических дискуссиях слово «левые» стало ассоциироваться с набором ценностей, так или иначе вдохновляемых идеями коммунизма, а точнее – бесклассового общества, в котором все острые социальные проблемы и конфликты будут разрешены или минимизированы.

Но такая понятийная конфигурация может вводить в заблуждение. Некоторые теоретики постиндустриального и информационного общества¹ активно оспаривали марксистскую идею о том, что капитализм есть последняя классовая общественно-экономическая система. Отдельный вопрос, насколько их тезисы оказались успешными и оправдавшими все предсказания, но оснований сомневаться в идее бесклассового посткапитализма становится все больше (см.: Давыдов 2021), тем более если учесть вышесказанное о постматериализме. Ошибочное представление, что между левыми есть или может быть что-то значимо общее сегодня, обусловлено тем, что они борются за «равенство» и «справедливость». Это довольно примечательно, учитывая историю появления самой дихотомии. Правые и левые возникли в 1789 г. во французском парламенте, где было три объединения, представители которых занимали соответствующие места: в правом крыле располагались депутаты, хотевшие сохранить монархический строй, в центре находились колеблющиеся республиканцы, а слева устроились якобинцы – сторонники радикальных революционных действий, стремившиеся к фундаментальным переменам. Данные фундаментальные перемены известны – развитие буржуазных общественных отношений, приправленных девизом «свобода, равенство, братство». Все те же общие абстрактные цели,

¹ От Д. Белла с его возвышающимся «профессионально-техническим классом» (Белл 2004) до информационных «заговоров» нетократии (Бард, Зодерквист 2004).

что и сегодня, с такой же противоречивой перспективой для подавляющего большинства населения.

Вполне возможно, что история повторяется. Первоначально левые были именно теми, кто воплощает собой *новый передовой класс, интересы которого антагонистичны всем остальным*. Капиталисты и буржуазные идеологи стремились к свободе и равенству, но это не мешало им огораживать крестьянские наделы, превращая самих крестьян в батраков и бесправных рабочих. Поэтому не стоит удивляться, что сегодня представители «уходящего» рабочего класса часто имеют больше общего с правыми популистами или консерваторами. Для них они левее левых, так как вместе с ними находятся в одной тонущей лодке.

Все сказанное выше не означает, что правые критики левых постматериалистов по-настоящему левые. Они все те же консерваторы, выступающие за свободный рынок и ненавидящие марксизм и саму идею коммунизма. Это также не означает, что современные левые на Западе, даже те, кто больше всего соответствует нашему собирательному образу постматериалиста, совсем не говорят об экономических проблемах. Напротив, разговоры о всеобщем бесплатном образовании, о необходимости строительства недорого государственного жилья, о потребности в доступных медицинских услугах «от колыбели до могилы» или, скажем, о повышении минимальной заработной платы ведутся повсеместно среди американских левых¹. Такие разговоры, правда, если говорить о США, мало походят на реальные попытки выйти за пределы капитализма и больше напоминают стремление сделать «хотя бы как в Европе». Более того, все предложения, которые могли бы заинтересовать тех, кто испытывает реальные экономические трудности, постоянно разбавляются очень противоречивыми рассуждениями о «системном расизме», «открытых границах», необходимости «отменить полицию» или приближающейся экологической катастрофе, что только отталкивает потенциальных сторонников левых и вносит сумятицу среди других.

Причина, по которой правые стали для очень многих левее левых, заключается в том, что *посткапиталистические общественные отношения, по всей видимости, возникают не в результате борьбы за социально-экономическое равенство, а в результате деактуализации материалистической проблематики для людей, достигших состояния экзистенциальной безопасности*. Отсюда диссонансы и расхождения интересов постматериалистов с интересами очень многих бедных: *материалисты и постматериалисты живут в разных реальностях, испытывают разные трудности, являются, быть может, представителями совсем разных общественно-экономических формаций*. Этот разрыв постоянно увеличивается, и мы непрерывно наблюдаем его проявления. Что важнее – повысить топливные налоги с целью заботы об окружающей среде, как это было во Франции, или прежде всего думать о бедных рабочих, пользующихся личным транс-

¹ Особенно часто на этом фокусируются Демократические социалисты Америки (DSA) (см., напр.: Aronoff, Drier, Kazin 2020).

портом (речь идет о событиях, предшествовавших протестам «желтых жилетов»)? Что важнее – думать прежде всего о своих гражданах или об абстрактной свободе на Украине (речь идет о многократно подорожавших коммунальных услугах в Европе и взлетевших до небес ценах на топливо)?

Схожий конфликт в скрытом виде наблюдается и в России. Часть российских марксистов де-факто превратилась в сторонников действующего президента (например, экономист В.Г. Колташов и философ А.А. Коряковцев), хотя политика и убеждения В.В. Путина никогда не ассоциировались с марксизмом и коммунизмом. В России его сторонники являются во многом аналогами тех правых на Западе, оказавшихся левее левых: защиту национальных интересов и материальные интересы простых граждан, которым помогает «популизм» (а нередко реальные меры социальной поддержки) российской бюрократии, они ставят выше абстрактных западных «демократических» ценностей, которые уже однажды поставили страну на грань гибели. Д. Гудхарт замечает: «...мы могли бы пережить глобальное восстановление интересов *somewheres* – людей из провинциальных городов и сельской местности, которые голосовали за Трампа и за Брексит. Это происходит и в других местах, как недавно заметил Фрэнсис Фукуяма: “Путин остается непопулярным среди более образованных избирателей в крупных городах, таких как Санкт-Петербург и Москва, но имеет огромную базу поддержки в остальной части страны”» (Goodhart 2017: 174).

Целью настоящей статьи не было продемонстрировать, что правые, оказавшиеся левее левых, являются «настоящими» левыми и что вся правда на их стороне. Скорее, в данном контексте следует задуматься, кого стоило бы называть левыми, а кого – правыми (и вообще, актуальна ли эта дихотомия). Левые – это современные постматериалисты, ставшие де-факто новой элитой и, как мы увидели, не замечающие многие *материальные* проблемы вытесненных на обочину жизни людей? Или все же главная цель левых – достижение такого состояния, когда думать о гражданских правах и экологическом благополучии, не испытывая при этом голода или нехватки элементарных благ цивилизации, могли бы *все без исключения*?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бард А., Зодерквист Я. 2004. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Санкт-Петербург : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 260 с.

Батлер Дж. 2022. Сила ненасилия. Сцепка этики и политики. Москва : Издательский дом ВШЭ. 224 с.

Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва : Academia. 994 с.

Давыдов Д.А. 2018. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 18, № 3. С. 86-102. DOI 10.17506/guip.2016.18.3.86102

Давыдов Д.А. 2021. Посткапитализм и рождение персоналиата. Москва : Рипол Классик. 336 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва : Новое издательство. 464 с.

Коллиер П. 2021. Будущее капитализма. Москва : Издательство Института Гайдара. 376 с.

Стиглиц Дж. 2020. Люди, власть и прибыль. Москва : Альпина Паблишер. 430 с.

Adamson G. 2020. Migrants and Crime in Sweden in the Twenty-First Century // *Society*. Vol. 57. P. 9-21. DOI 10.1007/s12115-019-00436-8

Aronoff K., Drier P., Kazin M. (eds.) 2020. *We Own the Future: Democratic Socialism – American Style*. New York : The New Press. 256 p.

Bohrer A.J. 2019. *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld : Transcript-Verlag. 280 p.

Borjas G.J. 2016. *We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative*. New York : W.W. Norton & Company. 240 p.

Carnes N., Lupu N. 2021. The White Working Class and the 2016 Election // *Perspectives on Politics*. Vol. 19, iss. 1. P. 55-72. DOI 10.1017/S1537592720001267

D'Souza D. 2020. *United States of Socialism: Who's Behind It. Why It's Evil. How to Stop It*. New York : All Points Books. 304 p.

Goodhart D. 2017. *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London : Hurst. 256 p.

Grimmer J., Marble W. 2019. Who Put Trump in the White House? Explaining the Contribution of Voting Blocs to Trump's Victory // *Democracy and Polarization Lab at Stanford University*. 12.12.2019. URL: https://stanforddpl.org/papers/grimmer_marble_2019_trump/ (дата обращения: 15.12.2022).

Hanson V.D. 2021. *The Dying Citizen: How Progressive Elites, Tribalism, and Globalization Are Destroying the Idea of America*. New York : Basic Books. 432 p.

Horowitz D. 2021. *The Enemy Within: How a Totalitarian Movement is Destroying America*. Washington : Regnery Publishing. 256 p.

Ignatans D., Matthews R. 2017. Immigration and the Crime Drop // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. Vol. 25, iss. 3. P. 205-229. DOI 10.1163/15718174-02503002

Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton : Princeton University Press. 464 p.

Inglehart R.F. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton : Princeton University Press. 496 p.

Inglehart R.F. 2008. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. Vol. 31, iss. 1. P. 130-146. DOI 10.1080/01402380701834747

Kaurov A.A. et al. 2022. Trends in American Scientists' Political Donations and Implications for Trust in Science // A.A. Kaurov, V. Cologna, Ch. Tyson, N. Oreskes // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 9, iss. 1. DOI 10.1057/s41599-022-01382-3

Knowles M. 2021. *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*. Washington : Regnery Publishing. 256 p.

Koonin S.E. 2021. *Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn't, and Why It Matters*. Dallas : BenBella Books. 320 p.

Laclau E., Mouffe Ch. 2014. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. New York : Verso. 240 p.

Levin M.R. 2021. *American Marxism*. New York : Threshold Editions. 320 p.

Light M.T., He J., Robey J.P. 2020. Comparing Crime Rates between Undocumented Immigrants, Legal Immigrants, and Native-Born US Citizens in Texas // *Proceedings*

of the National Academy of Sciences. Vol. 117, iss. 51. P. 32340-32347. DOI 10.1073/pnas.2014704117

Lindsay J. 2022. Race Marxism: The Truth about Critical Race Theory and Praxis. Independently Published. 357 p.

Lomborg B. 2020. False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet. New York : Basic Books. 320 p.

Mac Donald H. 2017. The War on Cops: How the New Attack on Law and Order Makes Everyone Less Safe. New York : Encounter Books. 248 p.

Morano M. 2021. Green Fraud: Why the Green New Deal Is Even Worse than You Think. Washington : Regnery Publishing. 256 p.

Norris P., Inglehart R. 2019. Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge : Cambridge University Press. 564 p.

Nunes D. 2020. Countdown to Socialism. New York : Encounter Books. 96 p.

Owens C. 2020. Blackout: How Black America Can Make Its Second Escape from the Democrat Plantation. New York : Threshold Editions. 320 p.

Pluckrose H., Lindsay J. 2020. Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody. Durham : Pitchstone. 352 p.

Ramaswamy V. 2021. Woke, Inc.: Inside Corporate America's Social Justice Scam. New York : Center Street. 368 p.

Rectenwald M. 2020. Beyond Woke. Nashville : New English Review Press. 238 p.

Reed T.F. 2020. Toward Freedom: The Case against Race Reductionism. New York : Verso. 224 p.

Saad G. 2020. The Parasitic Mind: How Infectious Ideas Are Killing Common Sense. Washington : Regnery Publishing. 235 p.

Scarry E. 2020. Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People. New York : Bombardier Books. 288 p.

Shapiro B. 2021. The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America's Institutions Against Dissent. New York : Broadside Books. 288 p.

Shellenberger M. 2020. Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All. New York : Harper. 432 p.

Singer S.F. 2021. Hot Talk, Cold Science: Global Warming's Unfinished Debate. Oakland : Independent Institute. 256 p.

Sowell T. 2019. Discrimination and Disparities. New York : Basic Books. 320 p.

Williams J.C. 2017. White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America. Boston : Harvard Business Review Press. 192 p.

References

Adamson G. Migrants and Crime in Sweden in the Twenty-First Century, *Society*, 2020, vol. 57, pp. 9-21. DOI 10.1007/s12115-019-00436-8

Aronoff K., Drier P., Kazin M. (eds.) *We Own the Future: Democratic Socialism – American Style*, New York, The New Press, 2020, 256 p.

Bard A., Söderqvist J. *Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism*, Saint Petersburg, Stokgol'mskaia shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004, 260 p. (In Russ.).

Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*, Moscow, Academia, 2004, 994 p. (In Russ.).

Bohrer A.J. *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*, Bielefeld, Transcript-Verlag, 2019, 280 p.

Borjas G.J. *We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative*, New York, W.W. Norton & Company, 2016, 240 p.

Butler J. *The Force of Nonviolence: An Ethico-Political Bind*, Moscow, Izdatel'skij dom VShE', 2022, 224 p. (In Russ.).

Carnes N., Lupu N. The White Working Class and the 2016 Election, *Perspectives on Politics*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 55-72. DOI 10.1017/S1537592720001267

Collier P. *The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2021, 376 p. (In Russ.).

D'Souza D. *United States of Socialism: Who's Behind It. Why It's Evil. How to Stop It*, New York, All Points Books, 2020, 304 p.

Davydov D.A. *Postcapitalism and the Birth of the Personaliat*, Moscow, Ripol Classic, 2021, 336 p. (In Russ.).

Davydov D.A. Ronald Inglehart's Concept of Post-Materialism in Critical Perspective, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 3, pp. 86-102. (In Russ.). DOI 10.17506/ryipl.2016.18.3.86102

Goodhart D. *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*, London, Hurst, 2017, 256 p.

Grimmer J., Marble W. Who Put Trump in the White House? Explaining the Contribution of Voting Blocs to Trump's Victory, *Democracy and Polarization Lab at Stanford University*, December 12, 2019, available at: https://stanforddpl.org/papers/grimmer_marble_2019_trump/ (accessed December 15, 2022).

Hanson V. D. *The Dying Citizen: How Progressive Elites, Tribalism, and Globalization Are Destroying the Idea of America*, New York, Basic Books, 2021, 432 p.

Horowitz D. *The Enemy Within: How a Totalitarian Movement is Destroying America*, Washington, Regnery Publishing, 2021, 256 p.

Ignatans D., Matthews R. Immigration and the Crime Drop, *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2017, vol. 25, no. 3, pp. 205-229. DOI 10.1163/15718174-02503002

Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*, Princeton, Princeton University Press, 1997, 464 p.

Inglehart R., Welzel K. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p. (In Russ.).

Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006, *West European Politics*, 2008, vol. 31, no. 1, pp. 130-146. DOI 10.1080/01402380701834747

Inglehart R.F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*, Princeton, Princeton University Press, 1977, 496 p.

Kaurov A.A., Cologna V., Tyson Ch., Oreskes N. Trends in American Scientists' Political Donations and Implications for Trust in Science, *Humanities and Social Sciences Communications*, 2022, vol. 9, no. 1. DOI 10.1057/s41599-022-01382-3

Knowles M. *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*, Washington, Regnery Publishing, 2021, 256 p.

Koonin S.E. *Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn't, and Why It Matters*, Dallas, BenBella Books, 2021, 320 p.

Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, New York, Verso, 2014, 240 p.

Levin M.R. *American Marxism*. New York, Threshold Editions, 2021, 320 p.

Light M.T., He J., Robey J. P. Comparing Crime Rates between Undocumented Immigrants, Legal Immigrants, and Native-Born US Citizens in Texas, *Proceedings of*

the National Academy of Sciences, 2020, vol. 117, no. 51, pp. 32340-32347. DOI 10.1073/pnas.2014704117

Lindsay J. *Race Marxism: The Truth about Critical Race Theory and Praxis*, Independently Published, 2022, 310 p.

Lomborg B. *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet*, New York, Basic Books, 2020, 320 p.

Mac Donald H. *The War on Cops: How the New Attack on Law and Order Makes Everyone Less Safe*, New York, Encounter Books, 2017, 248 p.

Morano M. *Green Fraud: Why the Green New Deal Is Even Worse than You Think*, Washington, Regnery Publishing, 2021, 256 p.

Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2019, 564 p.

Nunes D. *Countdown to Socialism*, New York, Encounter Books, 2020, 96 p.

Owens C. *Blackout: How Black America Can Make Its Second Escape from the Democrat Plantation*, New York, Threshold Editions, 2020, 320 p.

Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*, Durham, Pitchstone, 2020, 352 p.

Ramaswamy V. *Woke, Inc.: Inside Corporate America's Social Justice Scam*, New York, Center Street, 2021, 368 p.

Rectenwald M. *Beyond Woke*, Nashville, New English Review Press, 2020, 238 p.

Reed T.F. *Toward Freedom: The Case Against Race Reductionism*, New York, Verso, 2020, 224 p.

Saad G. *The Parasitic Mind: How Infectious Ideas Are Killing Common Sense*. Washington, Regnery Publishing, 2020, 235 p.

Scarry E. *Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People*, New York, Bombardier Books, 2020, 288 p.

Shapiro B. *The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America's Institutions Against Dissent*, New York, Broadside Books, 2021, 288 p.

Shellenberger M. *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*, New York, Harper, 2020, 432 p.

Singer S.F. *Hot Talk, Cold Science: Global Warming's Unfinished Debate*. Oakland, Independent Institute, 2021, 256 p.

Sowell T. *Discrimination and Disparities*, New York, Basic Books, 2019, 320 p.

Stiglitz J. *People, Power and Profits. Progressive Capitalism for an Age of Discontent*, Moscow, Al'pina Publisher, 2020, 430 p. (In Russ.).

Williams J.C. *White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America*, Boston, Harvard Business Review Press, 2018, 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Давыдов

кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-код: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Davydov

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-code: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com